

Одна капля в море жизни

непримиримая борьба против порождений распада

16+

Вячеслав Антонцев

Вячеслав Антонцев

Одна капля в море жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Антонцев В. С.

Одна капля в море жизни / В. С. Антонцев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Они напали внезапно. Они напали стремительно. И поныне остатки когда-то могучей империи сотрясают отголоски тех боёв, гремевших с таким остервенением, с такой ненавистью, что само мироздание противилось этому. Тогда, почти сотню лет назад, полчища орков чуть не сокрушили, чуть не уничтожили, чуть не растоптали... Человечество балансировало на краю пропасти. Его спасло только чудо. Но... чудо ли? Вот уже несколько десятилетий трупы поверженных в боях воинов встают из мёртвых, чтобы терроризировать живых. Мёртвые непроходимо тупы, они непреклонны. Не ведая жалости, они уничтожают всё, чего не коснулась длань смерти. Таинственная, жуткая, сеющая разложение и тлен сила руководит ими из самого центра Проклятых руин. Руин, что когда-то были процветающими городами... Взошедший на престол молодой император не желает мириться с таким положением дел. Воины империи направляются напрямик в сердце Мглистых болот — региона, кишящего аномально большим количеством нежити. Но не всё так просто...

© Антонцев В. С., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Вячеслав Антонцев

Одна капля в море жизни

Начало всех начал

С разными людьми случаются разные истории. Даже так: с огромным количеством людей случается масса интересных историй. Одни попадают в истории по собственной глупости или по прихоти капризной судьбы. Другие сами создают историю и берут свою судьбу и судьбы других людей в свои руки. Я не буду утверждать, клясться и бить себя в грудь, что всё, о чём здесь написано – сущая правда. Но почему бы и нет?

Давным-давно, в далёкой-далёкой Империи...

Нет, обойдёмся без высокопарных вступлений. Итак, поехали!

...Если вдруг какого-нибудь нерадивого странника занесёт на северо-запад Империи, то ничего нового он там не увидит: кругом одна нищета, пьянство, самоуправство властей на местах... В общем, полная безнадёга. Однако если ему, несчастному, взбрёт в голову дойти до самой границы, то он окажется в сумрачном, лихом и ненадёжном месте, где по ночам то тут, то там поджидает опасность, а зловещие призраки прошлого бесцеремонно вторгаются в настоящее, желая подавить и уничтожить всё живое...

Про те края ходит дурная молва, жуткие легенды и пугающий вымысел тесно переплетаются с будоражащей воображение реальностью. Вымысел настолько тесно переплетён с правдой, что никто, за исключением живущих в этих краях (и конечно же великого и могучего Императора), не знает истинного положения дел.

Повседневная жизнь в этих местах представляла собой странную, жуткую смесь из серой, смертельно надоевшей, скучной однообразной рутины вперемешку с постоянной опасностью, борьбой и нескончаемыми ужасами.

На первый взгляд не самое приятное место, не так ли? На второй тоже. Можно вообще тихонько отойти в сторонку, и притвориться, будто бы мы ничего не знаем, будто бы никто ничего не слышал и не видел. Но мы так делать не будем. Иногда сложно уловить тот самый момент, с которого всё началось. Порою предпосылки происходящих событий, подвигов, предательств, великих и малых свершений уходят корнями в такое далёкое прошлое, что совсем растворяются во тьме забытого, целиком и полностью теряя своё начало. Очень трудно сказать, когда, где и как всё началось, и уж совсем невозможно достоверно определить тот год, месяц и день, с которого стоит начинать повествование. Тем не менее, мы будем считать, что наша история началась именно здесь.

...Увы, но большое, белое, равнодушное солнце не могло прогреть серовато-коричневые, тоскливые, сплошь покрытые болотами и мелкими озёрцами бескрайние просторы, что раскинулись широко и привольно, словно в попытке захватить всю земную поверхность. Деревья здесь попадались всё реже, уступая место каким-то кустарникам и корягам, высокой траве, камышу, а то и вовсе болотной тине. Весь пейзаж создавал гнетущее впечатление, и общая атмосфера этих мест вовсе не способствовала хорошему расположению духа. Если пойти ещё дальше на запад, то противная местность станет ещё более заболоченной, деревья станут ещё меньше и кривее, а вода – ещё более покрытой какой-то тиной, склизкими водорослями и сомнительной растительностью. Всякий, кто хотя бы раз слышал об этих краях (то есть почти всё население Империи), знал: продвижение на запад не сулит вам ничего хорошего.

И когда вы, в отчаянной попытке что-то разузнать, что-то выяснить, придать своему странствию осмысленности и опасности, пройдёте последнюю деревеньку, населённую какими-то вооружёнными, плохо пахнущими рыбаками, когда вы пересечёте западную границу Империи...

Вот тут-то вы и вступите на территорию Мглистых болот. На территорию, куда в наши дни редко забредает живой человек. На территорию, сплошь усеянную мертвецами. И эти мертвецы вовсе не собираются лежать в своих могилах вечно.

Неожиданно что-то непонятное, склизкое, с крайне омерзительным видом и с не менее отвратительным выражением догнивающего лица выскочило прямо перед носом Ярослава.

– Уэээх!, – выдохнул он, рефлекторно отпрыгнув и почти не успев испугаться. Даже несмотря на то, что такая мерзость стояла практически вплотную к нему, испуская зловонные миазмы и внушая невероятное отвращение, никаких рвотных позывов уже не возникало – опыт встречи со множеством ходячих трупов не проходил бесследно. Ярослав только-только успел отрубить голову прошлому мертвецу, его старенький меч уже описал приличную дугу и он просто не успевал замахнуться для ещё одного удара...

А следующая мёртвая тварь уже стояла прямо перед ним.

– Архрхрлм! – полупрорычало-полупробулькало существо, и принялось быстро махать какой-то грязной, коричневой, на вид увесистой палкой, по форме и по размеру отдалённо напоминавшей меч. Во все стороны полетели мутные брызги. Ярослав сплюнул попавшую в рот болотную жижу с явным привкусом ржавчины, и отступил ещё на пару шагов. Правая рука сильно болела.

Мёртвый воин, в котором теперь злобы и ненависти было гораздо больше, чем жизни, очень неожиданно сделал выпад. Ярослав еле успел среагировать.

– Нехорошо, – словно где-то на задворках сознания, что не были заняты смертельной битвой, вяло подумал он, – эта сволочь, судя по всему, хорошо владеет мечом, а реакция у меня уже не та...

Он не знал, сколько времени прошло. Иногда ему казалось, что течение его растянулось и всё происходит медленно-медленно, а иногда всё происходящее настолько быстро изменялось, что он едва успевал отражать вражеские выпады. Похоже, он совсем выдохся.

Исчадие болот ещё сделало несколько попыток пробить его защиту, и один раз это почти удалось. Ярослав сделал ещё небольшой шаг назад, попутно боковым зрением замечая какое-то шевеление...

Сердце, разгорячённое огнём битвы, казалось, готово было взорваться, лопнуть от напряжения. Слева к нему подкрался ещё один мертвец, он был настолько близко, что уже протянул руки, чтобы дотянуться до тёплых, живых человеческих внутренностей. Его внутренностей.

Теперь ему надо было сражаться сразу с двумя. Как это ни странно, это только подзадорило Ярослава, который уже вот-вот, и окончательно бы выбился из сил. Он со зловещей ухмылкой прыгнул вправо, и сделал такое резкое и точное движение мечом, какое не делал ни разу ни на тренировках, ни в других схватках с нежитью.

– Уээээ... ы? – сначала угрожающе, а потом удивлённо-разочарованно прорычал мертвец, в тело которого вонзилось смертоносное лезвие меча (непонятно, на сколько в данной ситуации уместно слово "смертоносный", потому что технически мертвецы уже мертвы. В любом случае, если хорошенько поработать клинком, то можно хоть и не убить, но надолго упокоить выползшее из могилы тело). Ярослав быстро выдрал меч из полуразложившийся плоти второго трупа. Тот продолжал как-то вопросительно тарашиться на него пустыми глазами. Парочка следующих молниеносных ударов окончательно сокрушила его, и воин прошлого, потеряв равновесие, с унылым всхлипом, всплеском и брызгами упал в грязную лужу.

Оставшись один на один с вооружённым мертвецом, Ярослав сделал несколько очень рискованных для него ударов мечом. В итоге, ему всё же удалось попасть по правой руке трупа где-то в районе кисти, и зеленовато-коричневая ладошка, сжимавшая древний клинок, отлетела в сторону. От этого ожившая, восставшая из болот субстанция страшно рассердилась, и, протянув руки, с ещё большим рвением и оглушительным криком кинулась на Ярослава. Тот

попробовал было отскочить вправо, но внезапно оступился: нога его, вместо привычной зыбкой почвы, нащупала лишь с полметра грязной воды. Не удержав равновесие, воин Империи упал...

А мертвец тут же на него набросился, уже предвкушая вкус свежей крови. Ярослав видел эти чёрные пропасти глаз, три-четыре оставшихся гнилых зуба, древние, ветхие, поросшие тиной лохмотья, что когда-то были одеждой... Правая нога его основательно застряла, он не мог встать, он не мог ничего сделать, он мог только безучастно наблюдать, как жуткое Исчадие Мглистых болот вот-вот его настигнет и уничтожит, оставляя от него лишь воспоминания и остывающую кучку мяса...

Воин, собрав последние силы, вскинул клинок навстречу врагу. Куча плоти со странным, шипящим звуком и треском налетело на остриё меча и спустя мгновение оказалась полностью нанизанной на благородную сталь. Древний живот мертвого человека был проткнут насквозь, а его ещё почему-то функционирующее тело медленно сползло по лезвию до самой рукоятки, обдавая Ярослава ужасным смрадом. Он с энтузиазмом подумал, что если бы на догнивающих останках лица можно было бы прочесть эмоции, то, безусловно, сейчас бы он прочёл эмоции крайнего удивления и разочарования. Почему-то эта мысль ему показалась очень остроумной, и он тихонько улыбнулся.

Между тем проткнутый живот вовсе не помешал мёртвому телу продолжить битву. Висевшая на мече в нескольких сантиметрах от него тварь чуть дёрнулась, будто очнувшись от секундного замешательства, затем с заунывным, могильным, гортанным звуком протянула руки к шее Ярослава. Тот, недолго думая, собрал все свои оставшиеся силы в кулак, и как следует ударил нежить прямо в остатки носа. Голова с хрустом отскочила, обнажив остатки позвоночника и изъеденную червяками шею. Наконец-то, спустя столько лет, мертвец окончательно обрёл покой. Всё встало на свои места.

Ярослав отбросил омерзительную бесполезную тушу и предпринял попытку встать. Сказать по правде, получилось у него это не сразу: нога почти полностью увязла в тине. Однако спустя несколько попыток у него всё же получилось, хотя он, судя по всему, всё же умудрился её подвернуть. Вполне возможно, что он подвернул её и раньше, просто во время битвы не счёл этот факт достойным внимания. Весь вымотанный, грязный, немного дрожащий воин слегка перевёл дух и огляделся.

Перед его взором предстала довольно безрадостная картина: в болотах повсеместно лежали тела поверженных трупов вперемешку с ещё недавно живыми людьми, руки и ноги беспорядочно торчали и выглядывали наружу, многие тела уже начали погружаться в грязь. Ярослав, переводя дыхание и успокаивая бешено стучащее сердце, попытался подсчитать оставшихся. Многих не хватало. Когда они выдвигались из аванпоста, в их отряде было около сорока человек. Сейчас же он мог бегло сосчитать от силы до двадцати смертельно уставших воинов, некоторые из которых, как и он сам, только-только закончили битву. Солнце лениво садилось, и постепенно его редкие лучи всё меньше разгоняли мутновато-коричневую тьму, вселяя смутное тревожное чувство ожидания чего-то непонятного, неотвратимого и окончательного. Где-то метрах в пятидесяти добивали последнего мертвеца.

В неясном, зыбком свете угасающего дня Ярослав вдруг увидел, что постепенно воины собираются в одну кучку. Он поспешил туда, куда стягивались все оставшиеся на ногах. Промокший, грязный мужик с суровым видом и большим правым неподвижным глазом, вытаращенным словно в вечном испуге, стоял посередине и что-то грозно кричал. Слова разобрать было трудно.

– Хвала Императору, – с облегчением подумал Ярослав, – он жив!

Практически все уже обступили Одноглазого и внимательно слушали. Вид у всех был, скажем прямо, не самый опрятный: испачканные, все в грязи, с порванными одеждами и с ещё

не перевязанными ранами, с сурово-торжествующими лицами стояли они, наперекор судьбе, возвышаясь над полем павших, словно мрачные скалы, пережившие все грозы и штормы.

– Павел, Эдвард! Общайте все тела, помогите раненым, если они не могут встать, – громко сказал Одноглазый, широко расставив ноги и внимательно изучая всех присутствующих правым глазом. Создавалось ощущение, будто бы он ни капли не устал, хотя вся одежда у него была порвана, местами виднелась потускневшая от времени кольчуга.

– Павших же... – он немного помедлил, – хоронить не будем. Тихо всем! – сердито рявкнул Одноглазый в ответ на перешёптывание, – Да, я всё знаю, это не в наших обычаях. Но... Тихо, я сказал! – на этот раз он гаркнул так резко, что все вздрогнули и мигом присмирели. Такое за ним иногда водилось.

– Да, не в наших обычаях. Но до захода солнца нам нужно успеть отсюда убраться, если вы не хотите превратиться в кровавый фарш. Все мечи у мертвых надо забрать. Приступать!

Возразить было нечего. Каждый из них прекрасно осознавал, что Одноглазый прав. Им пришлось весь день, с самого утра догонять убегающих мертвецов, прежде чем завязать кровавую битву до наступления сумерек... Вполне логично, что им следовало уходить отсюда как можно скорее, и причём желательно было не допускать попадания в лапы врага относительно нового, казённого Имперского оружия.

Павел тем временем склонился над чьим-то телом, Эдуард помогал другому выбраться из болотной западни. Остальные стали стаскивать мечи поверженных бойцов, мысленно провозжая боевых товарищей в последний путь. Как выяснилось, сегодня они потеряли девятиерых воинов. Это была трудная битва.

Обратная дорога оказалась куда более терниста и длительна, чем они рассчитывали. Шли молча, стараясь не нарушать придавившей тишины. Двое-трое сильно раненных товарищей тормозили весь отряд, но бросать их здесь было нельзя. Выйти из Мглистых Болот им удалось только к ночи. Им повезло: на обратном пути они не наткнулись ни на одного мертвеца, хотя обычно те оживают под покровом темноты. Ближе к середине ночи, уже далеко после захода Солнца, они наконец-то заприметили вдалеке слабые, еле заметные огоньки сторожевых башен. Дошли!

А впереди им предстояло ещё немало трудных битв, немало потерь. Сегодня они потеряли значительную часть отряда, но кто знает, что будет завтра? Сколько ещё товарищей ляжет в бесконечной мясорубке против безжизненных тел, способных только убивать и ненавидеть? Кто падёт следующим под гнётом невыносимой, каждодневной борьбы? Только неумолимое течение времени способно ответить на эти вопросы. И то далеко не всем.

Кто-то сидел у лекаря, кто-то мылся из общей бочки, а кто-то уже спал мёртвым сном. Ни один из них и понятия не имел, что же случится завтра. Каждый из них мог пасть жертвой кровожадных мертвецов в любой момент. Любой день мог стать для них последним.

Так прошло десять лет.

...Страх. Страх, ужас и бегство вытеснили разум и рассудок. Порывистый ветер гнал чёрные, низкие тучи, под ногами хлюпали лужи, черноту постоянно ослепляли молнии. Сердце бешено колотилось, дыхание превратилось в хрип, в остекленевших глазах застыл смертельный испуг. Вой, скрежет и гром заполнили пространство и вторглись в сознание, внушая ещё больший ужас. Шум дождя бил по мозгам, насквозь промокшая одежда мешала двигаться. Он остался один, и некого было звать на помощь, а за спиной – смерть. Хуже смерти.

В свете вспышек молний проявлялись очертания каких-то развалин, покосившихся стен, мрачных руин. Острые силуэты остатков строений смотрели чёрными, тупыми провалами окон прямо на него. Среди нагромождения груд обломков, упавших башен и развороченных домов копошились тени. Тысячи сумеречных теней, олицетворяющих собой само зло, застыли в напряжённом ожидании. Они следили за ним, они ждали подходящего момента. Протяжён-

ный вой и inferнальные всхлипы становились всё ближе и отчётливее, холодный воздух разрезал лёгкие.

Он бежал что есть силы. Ноги его уже отказывали, в бок впились острые спицы, а грудь разрывалась при каждом вздохе. Каждый шаг его отдавался чудовищной болью. Единственным спасением было бегство. Чтобы не погибнуть в страшных муках, надо выбираться из этого кошмарного места. Хоть кто-то должен выжить... Он знал, что стоит ему свернуть не туда или хотя бы на секунду задержаться, так тут же из-под каждого угла на него набросятся полчища монстров. И то были не какие-нибудь заурядные мертвецы или орки. То были существа несколько иного порядка, стоявшие на ступеньку выше в иерархии нежити и потусторонних, человеконенавистнических сил...

Он не помнил себя, не помнил, кто он такой, не осознавал происходящего. Он, словно загнанное животное, весь превратился в страх, в бегство. Дождь лил стеной. И так непроглядная мгла стала ещё более непроницаемой.

Прямо перед ним сверкнула очередная молния, сразу же грянул оглушительный гром, земля содрогнулась. На сетчатке оглохшего Ярослава прочно отпечатались яркая вспышка, затмевая весь прочий ужасный мир. Споткнувшись о какой-то неудачно подвернувшийся камень, он плашмя упал и растянулся в грязной луже. Тени по обеим сторонам сразу пришли в движение, зашевелились, зашипели и двинулись к нему. Кто-то летел, кто-то шёл, кто-то, всхлипывая, ползал как гусеница. С каждой секундой они всё приближались. Надежда умерла. Он успел увидеть лишь небольшой краешек неуверенной, робкой Луны, но затем и она окончательно исчезла.

С пронзительными, истошными, хтоническими криками и скрежетом к нему подлетело леденящее душу Нечто. Оно было похоже на длинного, большого летающего червя с примесью какого-то доисторического членистоногого. Всё существо Ярослава обуял беспросветный ужас. Летающее существо с негромким, угрожающим потрескиванием стало приближаться к нему. В полёте чудовище извивалось, шевелило бесчисленными ногами, щёлкало клешнями. Оно было похоже на огромную, летающую сколопендру, но было гораздо ужаснее и отвратительнее. Нечто становилось всё ближе...

– Тр-тр, тр-тр, тру-тру, тру-тру-тру...

Ну вот и всё, это конец. Смертельный ужас сковал ему душу. Он попытался закричать, но крик застрял у него в горле...

Последний рубеж севера

Ничего не осталось, лишь хрупкие кости

Не спят, всё воюют, и бьются, гремя.

Многоглазые твари утопают во злости.

Скоро настигнут они и тебя.

Вот уже несколько дней скакал он на Север, практически без отдыха, останавливаясь только лишь ночью, да по большой нужде. Всадник мчался в одиночестве, обгоняя торговцев, путников и бродяг, перетекающих из города и город, обгоняя военный и мирный люд. Довольно сильно выделялся он на фоне людей, что по той или иной причине пускаются в столь продолжительное странствие. Лицо его, сложенное правильными, но несколько грубыми чертами, не запоминалось совершенно, а чёрные волосы были коротко подстрижены. Одежда, хоть и покрылась за время путешествия изрядным количеством дорожной пыли, выдавала человека если не богатого, то хорошо обеспеченного, а искусно украшенные ножны ясно указывали, что их обладатель имел не только оружие и деньги, но и хороший вкус. С собой у него практически ничего не было, кроме небольшой кожаной сумки, и, конечно, оружия. На вид ему было около тридцати пяти.

Путь Всадника, хоть и был долог и тернист, всё же постоянно освещался сияющей, словно далёкие, благородные звёзды, целью. Дорога его проходила через Вавер и великие равнины,

по праву почитаемые и известные как края плодородия и изобилия, через земли Астетона, через Нэртон, город ремесленников и торговцев, через нагорье Морн и дремучие леса. Наконец, Всадник вступил в малозаселённые, практически необжитые земли, что были ограничены Сумеречными холмами с востока и Бурыми равнинами с запада.

На юге и в центре Империи весна давно уже вступила в свои права, и лишь высочайшие вершины Непроходимых гор и Имперского кряжа оставались сокрытыми от посторонних взоров вечным снежным покровом. Продвигаясь всё более на север, Всадник, постепенно, день за днём приближался к Ледяным Пустошам, и всё острее чувствовал он мёртвое дыхание северных ветров, всё меньше весеннего оживления попадалось ему на пути, и даже солнце с каждым днём светило всё тусклее и нерешительней. Прямо сейчас он, верхом на верном скакуне, заканчивал долгий, утомительный переход через Бурые равнины, название которых как нельзя точно отображало их унылый облик. Живительные лучи могучего светила ещё не успели полностью согреть эти места, а потому вся местность была усеяна остатками нерастаявших сугробов, тонкие ручейки от которых в конце концов попадали в какую-нибудь грязную лужу. Одинокие деревья стояли ещё голые, безо всякого стыда протыкая воздух бесчисленными веточками и сучками, прошлогодняя трава и листва лежала без признаков жизни. Когда Всадник проезжал очередную захудалую деревеньку, состоящую из двух-трёх десятков стареньких покосившихся домиков, та казалась совсем заброшенной и безлюдной, словно жильцы навсегда покинули её.

В какой-то момент Всадник осознал ту разительную, жуткую перемену, которая произошла в его окружении: вместо цветущих, пышущих энергией, жизнью, весельем и радостью земель Астетона он оказался среди тоскливых, пустующих, почти безжизненных просторов севера. И хотя до Рессевиля, а уж тем более до Ледяных Пустошей было ещё очень далеко (в лучшие времена дней семь пути), человек уже здесь чувствовал что-то неладное, что-то нехорошее, витающее в воздухе и проникающее в лёгкие, в сердце, в разум. Быть может, виной тому была дурная слава этих краёв и той жестокой земли, что скрывалась дальше за ними, а может, он и вправду чувствовал близость сил зла. В любом случае, сворачивать он не собирался.

По левую руку раскинулись однообразные просторы Бурых равнин, справа отчётливо виднелись силуэты Сумеречных, а далеко впереди уже вырисовывались расплывчатые образы Астровых холмов. Бурые равнины простираются на многие десятки миль на запад, и словно рассеиваются, теряются на горизонте. За Сумеречными Холмами широко и привольно разворачивается Дикий лес, известный своим крутым нравом и опасными жителями-дикарями.

Солнце уже садилось, когда Всадник вплотную подъехал к Астровым холмам. С юга они были совершенно голые, пожухлая трава ещё не успела воспрять от зимнего оцепенения, а малочисленные, хилые деревья ещё и не думали одеваться и расцветать. Северная сторона холмов ещё была покрыта снегом и подтаявшими сугробами. Уставший Всадник и его верный конь успели подняться и спуститься ровно три раза, прежде чем они поднялись четвёртый раз, и им открылся вид на удивительный город Отертон.

В свете заходящего солнца то было действительно захватывающее зрелище. Привычная грязь вперемешку с камнями исчезла, под ногами оказалась дорога, мощёная тысячами квадратных камешков величиной с кулак. По бокам дороги, каждые два-три метра возвышались два ряда небольших белых столбиков, связанных друг с другом массивной железной цепью. Мощёная дорога, идущая поначалу вровень с землёй, мало-помалу начинала подниматься над нею. Любой путник или торговец, за какой-нибудь надобностью пришедший в Отертон с юга, вскоре обнаруживал, что дорога сплошной кирпичной лентой возвышается над землёй сначала на метр, затем – на человеческий рост, а затем и вовсе отрывается от земли, расширяясь и опираясь на массивные колонны из палево-серого кирпича. Арки и колонны Южного Отертонского моста, поддерживающие каменную громаду и путников наверху, скромно старели под стремительный ритм сменявшихся друг друга дней и времён года, но на них всё так же можно было разглядеть искусные барельефы, хоть и потёртые временем, и на них всё так же можно

было положиться. Где-то у самого основания колонн лениво перетекала плоская, неглубокая речушка, русло которой было буквально усыпано множеством отмелей, небольших песчаных островков, выглядывающих из-под воды камней, целыми пучками растений. В иные времена река эта была куда более полноводна, о чём молчаливо свидетельствовали почерневшие каменные глыбы у подножия колонн моста, в наши дни сильно возвышавшиеся над поверхностью воды. Южный Отертонский мост имел множество пролётов, длиной и высотой значительно превосходя нынешние потребности в мостовой переправе. На той стороне моста дорога не поднималась полого, а сразу, с разбега врезалась в высокий холм. Там, на противоположном холме, и начинался город, весь усеянный высокими домами и утыканный печными трубами. Двух-трёхэтажные дома с беловато-серыми стенами и деревянной, изредка черепичной крышей будто лезли на вершину холма, сползая и толкая друг друга, образуя невероятные скученные пространства и узкие улочки. Иной раз и вовсе казалось, что вон тот каменный домик с маленькими окнами взгромоздился и стоит на двухэтажном строении непонятной формы, а по ветхим почерневшим балкончикам можно перебраться в другой квартал, ни разу не спускаясь на землю. Были здесь и величественные сооружения с толстыми стенами и бойницами, гордыми серыми башнями, лестницами и переходами, а были и просто захудалые теснившиеся домишки, своей невзрачностью и беднотой убранства превосходя все виденное Всадником ранее в Астетоне. Они соседствовали друг с другом, решительно не похожие, и вместе с тем составлявшие единый, гармоничный ансамбль, напоминавший выцветшее лоскутное одеяло огромных размеров. Снег в городе, в отличие от окрестностей, уже растаял, и на старые каменные городские улицы окончательно пришла весна, принеся с собой пыль, грязь, серость и ещё большую суету. Лучи заходящего солнца под острыми углами прорезали городской воздух, и от этого весь пейзаж играл новыми красками, хоть никто его о том и не просил.

Всадник, любуясь городом, в котором уже зажглись первые малочисленные огоньки, пересёк мост. Он слишком долго был в пути, и теперь глаза его, насмотревшись бескрайних просторов и обширного безлюдья, отдыхали, душа ликовала, разум радовался, а тело предвкушало. Он не спешил: с чувством крайнего удовлетворения, спешился, поправил одежду и сбрую, взял скакуна под узду, и пошёл в гору. Справа его, словно приветствуя, уже поджидало большое серое трёхэтажное здание, обращённое окнами прямоком на юг. Грязные серовато-белые стены были, как это и принято у местных, совершенно голые, и лишь двенадцать небольших окон грустно смотрели куда-то вдаль. Из деревянной, почерневшей от времени покато́й крыше беспорядочно торчало великое множество печных труб. Присмотревшись внимательнее, становилось понятно, что стены домика вроде как немного наклонены. Грубая обшарпанная деревянная дверь была открыта нараспашку, обнажая непроглядную чёрную подноготную прихожей, а в одном окне угадывалась тускло горящая свеча. В общем, это был типичный домик славного города Отертона.

Одна из наиболее широких, и, пожалуй, главная улица города начиналась здесь. Она вела строго на север, на вершину холма, где виднелось воистину исполинское сооружение из стен, башен и переходов, из высоких сводов и устремлённых шпилей. Отертонская крепость была одним из величайших сооружений, когда-либо воздвигнутых человечеством, и безусловно, самым могучим, неприступным и огромным замком на всей территории подконтрольного Империей Севера. Миллионы камней всей своей тяжестью давили на Астровые холмы и на прочую Землю, слагая толстенные стены, ворота и укрепления, коих такое количество, что ни одних глаз не хватит, чтобы за раз узреть хотя бы треть от всего. Человеческий гений, в чьих смелых руках непослушное железо гнулось и тянулось, как глина, а бронза текла, как вода, воздвиг из камня, из простого булыжника не просто гигантскую крепость, способную пережить конец света и падение неба на землю, а настоящее произведение искусства, поражающее до глубины души всякого, у кого она есть. В Отертонском замке грубые, неотёсанные булыжники слагали изящные своды и арки, невероятные переходы и укрепления. Первозданная, необуз-

данная сила природы соседствовала с изяществом и мастерством строителей прошлых эпох, десятилетиями трудившихся ради возведения Отертонского чуда.

Главная башня, облицованная чёрным базальтом, словно острый клинок вонзалась и распарывала северное небо, бросая вызов самим богам. Величественные наружные стены с бойницами, внутренние стены с большими стеклянными окнами причудливо переплетались, создавая удивительный ансамбль. Впрочем, уже темнело, а потому всё труднее было различать заволаживающие, бесчисленные детали замка, но и без них он представлял собою невероятное, непостижимое зрелище.

Трудно сказать, сколько времени Всадник преодолевал Отертонские подъёмы, однако, когда он подходил к Южным воротам, Солнце село окончательно. Сумерки уже опустились, а удлинившиеся тени заполнили всё обозримое пространство. Редкий тусклый свет в окнах домов, да снующие туда-сюда запоздалые прохожие не осмеливались спорить с большой и могучей темнотой. Быть может, виной тому было влияние Севера, но иногда по ночам в Отертоне становилось жутковато. Он подошёл к наглухо закрытым воротам в три человеческих роста, что были зажаты между двумя высочайшими башнями. От них влево и вправо отходила отвесная неприступная стена, на вершине которой плясали редкие огоньки факелов. Всадник подошёл к дверям вплотную и как следует постучал.

– Кого там ещё принесло? Мы закрыты на ночь! – незамедлительно прозвучал злой, скрипучий, рассерженный голос откуда-то сверху. Эх, пришёл бы он на полчаса раньше, то вполне бы успел проскочить в ещё открытые ворота крепости...

– Это я, Всадник! – громко и чётко сказал Всадник, пристально вглядываясь в небольшое отверстие в стене, приблизительно в метре над воротами. В случае осады крепости (что, насколько было ему известно, никогда не происходило), из него на врагов должны были обрушиться целые литры кипящего масла, а то и олова со свинцом. Сейчас же оттуда доносился рассерженный голос, по-видимому, одного из ночных дежурных.

– Всадник? Какой Всадник? Убирайся прочь, и не возвращайся до утра, сказал же, что Крепость закрыта, – сказал не менее рассерженный голос из этого небольшого окошка.

Он вздохнул, но делать было нечего. Набрав как следует воздуха в грудь, он громко и чётко произнёс:

– Его Императорского Величества посланник и верный слуга принес важное известие достопочтенному лорду Антонию, властителю Отертонских земель! Прошу впустить меня, ибо дело безотлагательное!

На несколько минут над наглухо запертыми воротами повисла тишина, так что Всадник даже усомнился – не ушёл ли бдительный страж сразу после того, как приказал ему возвращаться утром? Не осталась ли его, хоть официальная, но высокопарная фраза неслышанной? Он стоял среди навалившей тишины, под покровом полностью уже спустившейся ночи. Лишь только откуда-то из глубин города ветер порой приносил какие-то неясные скрипы, перешёптывания, робкие стуки. Со стороны же Отертонского замка, грозно и безмолвно нависающего над ним, словно отвесная скала, не доносилось не только ни одного шороха или скрежета, но даже не было видно сколько-нибудь заметного шевеления. Он довольно долго стоял, прислушиваясь и всматриваясь. Окажись рядом с Всадником человек, достаточно зоркий, чтобы в темноте разглядеть его лицо, то нашёл бы его скорее непроницаемым, чем суровым.

Всадник уже начал потихоньку задумываться насчёт ночлега, как внезапно, шагах в пятнадцати от главных ворот, раздался громкий скрип. Маленькая дверца, обыкновенно замаскированная под стену, а в неясном, тусклом свете звёзд и вовсе незаметная, открылась, и из стены вынырнул какой-то смутный силуэт, отдалённо напоминавший туловище. Силуэт двигал руками, жестикулировал и шепотом молвил:

– Так чего же ты раньше не говорил? Входи!

И Всадник вошёл.

– Вот только лошадь придётся оставить. Давай-давай, утром проведёшь через главные ворота. Ну не открываемся мы на ночь, ты пойми. Не хватало ещё, чтобы по внутреннему двору по ночам всякие шастали.

Что же, делать было нечего, и спорить он не стал. Привязав своего товарища к небольшому столбику неподалёку, он последовал за сумрачным силуэтом.

Они вошли в очень тёмный, длинный, низкий коридор, который к тому же постоянно петлял. То был один из секретных проходов замка, и открыть его можно было только изнутри. Всадник, хоть ему это удавалось с переменным успехом, старался следовать за стражем. Глаза его, ещё не успевшие привыкнуть к непроглядной тьме скрытого от посторонних глаз коридора, не могли различить бесчисленные повороты и выступы, и потому очень скоро он набил себе синяков. Впрочем, тёмный переход не мог длиться слишком долго, и в конце концов они вышли на залитую тихим лунным светом лужайку внутреннего двора, на котором уже стояли несколько других стражей. С трёх сторон их окружали высокие, отвесные, неприступные стены Отертонского замка, позади осталась суровая оборонительная стена. Где-то гремел фонтан, и звуки его, хоть и приглушённые расстоянием, всё же долетали досюда.

Большой человек в ярко-красном халате, с длинным нелепым колпаком на голове и в тапочках, вышел им навстречу.

– Доброго здравия тебе, гонец! Надеюсь, ты принёс благую весть. Впрочем, всякое известие от Великого Императора мы считаем за благо. Каков был твой путь, что ты видел, что преодолел? Как нынче поживают на юге?

– Благодарю вас, эм... – тут Всадник замялся.

– Павел. Павел. Управляющий этого чудесного замка, к вашим услугам

– Да, спасибо большое, Павел, спасибо. Признаюсь, путь мой был долог и утомителен, но ничего нового я не увидел. Всё так же в Астетоне пахнут землю и поливают сады, всё так же в Нэртоне дуют меха и стучат сапожники. Дивизия Кана стережёт южные подступы к Столице, а Император, да продлятся годы его правления, прочно держит власть в своих руках... Но сейчас не об этом, мы успеем ещё обо всём поговорить, быть может, и ты расскажешь мне, что нового произошло в здешних краях... Сейчас мне необходимо передать Императорское послание чрезвычайной важности. Где можно разыскать Антония?

Павел какое-то время подумал, затем произнёс:

– Боюсь, сейчас Антоний находится в своих покоях, и будить его – не самая лучшая идея. Его светлость... В общем, думаю, вы вполне можете передать это послание мне, а утром лично отдам его Антонию. Полагаю, он будет не прочь принять и вас, если...

– Это исключено, – отрезал Всадник, – пергамент, который находится сейчас в моих руках, столь исключительной важности, что я должен передать его напрямую Антонию.

– Знаете, это прозвучало чуть ли не как оскорбление. Неужели вы думаете, что я, лично преданный Отертонскому вла...

– Дело не в том, кто кому предан, и не в том, что я хочу кого-то оскорбить, – вновь перебил Всадник, – а дело в том, что Император лично мне дал очень чёткие и ясные распоряжения, согласно одному из которых я должен буду вручить письмо лично Отертонскому Лорду и никому другому. Более тебе я ничего не скажу. Мне необходимо видеть Антония, и причём как можно скорее. Полагаю, он сам с радостью меня примет, поскольку мы с ним когда-то давно были хорошо знакомы. Нас можно назвать даже старинными приятелями.

Павел опять некоторое время молчал. Они вошли в какое-то строение, поднялись по широкой, тёмной лестнице. Всадник, управляющий, несколько стражников – все они шли теперь по какому-то длинному, высокому коридору, с высокими узкими колоннами и большими арочными витражами, сложенными из бесчисленного количества разноцветных стёклышек. Света они пропускали совсем немного, и казалось, что весь уходящий в бесконечность коридор был залит едва-едва освещавшей стены тёмно-синей субстанцией. Шаги каждого из

них эхом отдавались по всему необъятному помещению, порою на них обрушивались порывы ветра. Иногда из темноты выныривали всевозможные проходы, такие же бесконечные, высокие и тёмные коридоры, запертые двери. Всякий раз, когда Всадник оказывался в этом замке, он поражался его масштабом и сложностью устройства. Даже сейчас, хоть он и обладал достаточно хорошей памятью, он никак не мог определить, где, и даже в какой части замка они находятся.

– Что же, раз то, что вы говорите – правда, то тогда, наверно, Антоний сможет вас принять завтра...

Его отвели в одну из бесконечного множества безымянных комнаток, и приказали ждать там. Если сравнивать с резиденцией Императора на далёком юге, то обставлена она была просто, даже несколько бедновато, однако, если сравнивать убранство помещения, скажем, с типичной обстановкой простого жителя Империи, то, безусловно, покои Отертонского замка выглядели несоизмеримо богаче и внушительней. Простая, массивная кровать из тёмного дерева почётно занимала самый центр комнаты, рядом стоял не менее массивный, украшенный временем стол, в углу приютился небольшой новенький шкафчик. Высокое, узкое окно (как, собственно, и подавляющее большинство окон в замке) выходило на ночное небо, и в потёмках было сложно разобраться и понять, в какую же часть замка его занесло. Тусклая свеча освещала комнатку, и тени от Всадника падали на тёмные, шершавые, кирпичные стены. Кажется, в них было два-три углубления, эдаких вырезанных в стене полки. Здесь же, на столе, красовалась тарелка с какой-то не остывшей ещё пищей. Удивительно, когда это они успели?

Почти не притронувшись к еде, Всадник, впервые за много дней оказавшись на кровати, да и ещё воистину королевского качества и в соответствующей обстановке, сразу же уснул.

Проснулся он оглушительного хлопка. За окном по-прежнему было темно, хоть луна теперь и находилась в совершенно другой части неба. Ему казалось, что прошло лишь мгновение, хотя, конечно же, прошло значительно больше. Всадник по старой привычке вскочил с кровати, рефлекторно и судорожно нащупывая свой верный меч, с которым он, в силу известных причин, не расставался даже во время ночлега в лучших домах Империи. Он одним быстрым движением повернулся к источнику шума, находившемуся, судя по всему, где-то рядом с выходом.

Одним рывком распахнутые двери (что, вероятно, и послужило причиной столь перепугавшего его шума) выходили в уже гораздо более освещённый бледным светом коридор, чьи высочайшие окна и роскошные витражи, изображавшие воителей и императоров прошлого, превращали безликий лунный свет в необходимую, важную и красочную составляющую осмысленного произведения искусства. В дверях стоял высокий, худой, седовласый человек в торжественной позе, с безумными, блестящими и выпученными глазами. В левой руке он, словно фонарный столб в богатых городских кварталах, держал раскачивающуюся масляную лампу. На нём висела, словно бесформенный мешок, грязновато-серая, кое-где порванная пижама, а тапочки, чьи остатки, истерзанные многолетним топтанием бесконечных коридоров Отертонского замка, представляли из себя зрелище больше жуткое, чем жалкое, похожи были на нелепо натянутые на стопы тряпки. Длинный нос, испещрённый морщинами лоб, бледные губы и вваленные щёки – всё это придавало ему вид скорее утопленника или мертвеца, чем живого человека.

– Всадник, старый черт! Почему же ты раньше не сказал? – громко, пронзительно, со скрипами, воскликнул нежданный ночной гость. – А ну-ка иди сюда!

То был, без сомнения, Хранитель и Владыка Севера, Лорд Отертонский, Величайший Полководец своего времени, последний из своего рода, его светлость Антоний Огненнострельный.

Серебряный огненный вихрь

Всадник быстро успокоил пошаливающие нервы. Не сказать бы, чтобы он боялся какого-нибудь нападения, покушения, или ещё чего-нибудь в этом роде. Он был в стенах прославлен-

ного Отертонского замка, в одном из самых безопасных мест во всей Империи, в котором, к тому же, всякий человек Императора был желанным гостем... Однако столь неожиданное вторжение сильно напугало и встревожило сонное сознание вояки, привыкшего всегда и везде быть начеку. Он немедленно выполз из-под одеяла, неуклюже встал, слегка поклонился старику, столь внезапно ворвавшегося в его покои, который всё это время тарачил на него отсвечивающие в свете покачивающейся на вытянутой руке лампы глаза.

– Приветствую тебя, Отертонский владыка... Не ожидал я предстать перед тобой... эм... в столь тёмный час, промолвил Всадник, после чего старик Антоний издал сдавленный смешок.

– Дай мне подойти поближе, хоть увижу тебя, – с этими словами высокий человек подошёл к Всаднику, пристально глядясь. – О, могучие Императоры, что за невыносимая вонь! – воскликнул он, едва приблизившись к Всаднику на пару шагов, – сколько дней ты был в пути?

Всадник замялся, смутился, и даже покраснел. Не дожидаясь ответа, старик Антоний завопил:

– Господа, немедленно окуните моего гостя в бочки с водой, да как следует! А поварам передайте – быстро сварганьте что-нибудь эдакое!

Вдруг, откуда не возьмись, двое появившихся стражника в полном комплекте доспехов взяли Всадника под руки, и, словно узника, бесцеремонно повели его куда-то по бесконечным коридорам Отертонского замка. Всадник не сопротивлялся: было незачем, да и в любом случае бесполезно. Здесь, на Севере, супротив воли Отертонского владыки можно было противопоставить разве что личный приказ Императора.

А пока Всадник смывает с себя многдневную, слежавшуюся грязь и пыль вперемешку с потом, неустанно трудившиеся повара варганили «что-нибудь эдакое», луна потихоньку путешествовала по небу, а весь нормальный народ Отертона спал крепким сном, настало самое время рассказать немного о старике Антоние, ибо вторжение его в покои Всадника было столь неожиданным и отчасти даже нелепым, что у несведущего читателя может сложиться об Отертонском Лорде обманчивое впечатление.

Старый, если не ветхий, высокий человек с глубокими морщинами и бледным лицом был полновластным хозяином не только Отертонского замка и окрестностей, но и практически всех земель, что раскинулись к северу от нагорья Морн. Прославленный полководец в юности, мудрый правитель в старости, Антоний сыскал среди народа Севера хорошую славу и репутацию. Его все уважали, даже любили, крепкие стены Отертона надёжно защищали от врагов, воины и прислуга были ему всецело и искренне преданны, а крепкое тело и цепкий ум не позволяли к старости совсем развалиться и скатиться в маразм. Его огромная власть, отличное оснащение оружием и воинами, лояльность Императору – всё это неминуемо привело к тому, что врагов среди людей у него и быть не могло. В отличие от многих мелких уездных князьков на юге, связанных друг с другом нераспутывающимся комком из дружбы, ненависти, взаимных обид и пролитой крови, обоюдных претензий и оскорблений, авторитет Антония никогда и ни при каких обстоятельствах не подвергался сомнению.

Несмотря на то, что времена лихой юности, удалых походов, боевых столкновений давно прошли, он иногда выезжал из своего могучего замка, и разъезжал по северным просторам Империи как ни в чём не бывало, доезжая порою до самых Проклятых Руин. Впрочем, делал он это нечасто. Зато с гораздо большей охотой он засиживался у старинных пергаментов, перечитывал чудом уцелевшие в беспощадном круговороте истории и вечной борьбы книги, иногда сам что-нибудь писал. Надо сказать, старик был весьма непоследователен в своём режиме дня, и потому мог как сидеть ночами, изучая древние фолианты, корпя над истлевшими картами и путевыми заметками до самого утра, а мог и проспять весь день, пропустив воистину королевский обед и ужин, и горе тому, кто осмелится его побеспокоить!

Вот и сейчас Антоний, проснувшись ни свет ни заря, выпил стакан воды и принялся хлопотать по Имперским делам. Обычно он жил в Главной Башне – умопомрачительной исполинской конструкции, откуда, как на ладони, можно наблюдать не только Отертонский замок или город, но и устремлять свой взор на Дикие Леса, Северные Пустоши, Бурые Равнины, скользить взором по верхушкам Сумеречных холмов. В хорошую погоду даже можно разглядеть Железные горы, что непроходимыми заснеженными пиками торчали где-то на востоке, невозмутимо взирая оттуда на творящийся внизу хаос. Одним словом, это было знатное место. Проснувшись в Главной Башне, Антоний облачился в привычные одежды, спустился по чёрной винтовой лестнице вниз, умылся и легонько позавтракал (здесь надо отметить, что даже несмотря на всё богатство и могущество Отертона, Лорд не мог себе позволить, чтобы воду как-то перекачивали или относили на самый верх башни; это было бы не только слишком уж затратно, но и чрезвычайно неудобно). В одном из многочисленных залов верхних этажей Восточного крыла Северный Лорд, удобно устроившись на крепком, добротном резном деревянном стуле, уже читал новые письма, отчёты и новости, что заботливо приносили его поданные. Как правило, ничего интересного в них не содержалось, но Лорду Антонию надлежало знать всё, что происходит как в подвластных ему краях, так и вообще во всей Империи. Поставив свою любимую старенькую масляную лампу на большой, крепкий, заваленный бумагами стол, Антоний регулярно, раз в несколько дней досконально изучал всё, что накопилось. Он сидел в застиранном и заношенном до дыр халате, и сильно прищурился, разглядывая при тусклом освещении целый ворох писем.

– Так, ага, пятеро напавших мертвецов у болот... Ещё одно умертвие видели к югу от Рессевиля, граф пишет... Так, это всё понятно, ничего нового тут нет... О боже! У купца Никифора родился сын! Какое приятное известие, надо бы его поздравить... Посевная на бурых полях, так-так-так... – как всегда, бубнил под нос Антоний, в свете мерцающего огонька масляной лампы перечитывая все бумаги, накопившиеся за сутки.

– Так-так-так, жители Белого Города убили очередного Тролля... агась... хм... Налоговые подати составляют... Ого! Это интересно, главное не забыть... А это что?

На его столе для сообщений, среди всего прочего, лежала самая неприметная, невзрачная и серенькая бумажка, которая только может лежать на столе у такого человека. Ни официальных печатей, ни каких-то знаков и символов знатных родов, ни размашистых подписей на ней не было. Кривоватым почерком на маленьком клочке было выведено следующее:

«Ваше светлейшество, великий Лорд Антоний Огненнострельный! Спешим сообщить вам, что сегодня ночью во дворец прибыл неизвестный Всадник, которого некоторые из нас признали за того самого Всадника, и который утверждал, что имеет для его светлейшества важное послание от самого Императора. Всадник накормлен и остался почивать в тридцать шестой комнате пятого яруса юго-восточного крыла, под бдительным надзором стражи. С уважением, смотритель Павел»

Прочитав всё это, Антоний сначала удивился, затем улыбнулся, а после и вовсе сорвался с места и поспешил в юго-восточное крыло.

Длинный седовласый старик с сияющей улыбкой и распростёртыми объятиями приветствовал очищенного, вымытого, и обновлённого человека.

– Приветствую тебя, мой юный друг! Вот теперь, пожалуй, я с тобой и поздороваюсь!

Заклучив гостя в сердечные объятия, Антоний не сразу его отпустил. Они находились в огромном, высоком, длинном зале с протяжённым деревянным столом, на котором обыкновенно закатывали невероятные пиршества. Сейчас же в окутанном предрассветным сумраком пространстве было только двое человек, да свежеприготовленная свинина с картошкой.

– Так-так-так, ну и по какому поводу ты к нам пожаловал, дорогой гость? – с усмешкой, задором и несвойственной его возрасту энергичностью осведомился Антоний.

– Ваша светлость, как я рад наконец-то вас видеть!

– Полно! Обойдёмся без этих формальностей! – живо перебил его Антоний. – Мы друг с другом слишком хорошо знакомы и слишком хорошо друг друга знаем, чтобы засорять наш разговор пустыми словами. Да и ты не так-то прост, А? – Северный лорд подмигнул ему.

Всадник вздохнул. Да, нелегко ему придётся...

– Хорошо. Император хочет передать вам послание...

– Стоп-стоп-стоп, – вновь перебил его несносный Властитель Севера. – О делах – потом. Дела государственные надо обсуждать после рассвета, или как минимум после хорошей трапезы. Ты лучше скажи, как ты? Как добрался, что новенького на юге? А то я-то, – он усмехнулся, – сижу в своих четырёх стенах, знать ничего не знаю...

Всадник, чья юность и боевое крещение прошло в тесной связи с Северным Лордом, был прекрасно осведомлён, что если Отертонский властитель в беседе ли, в битве или в государственных делах о чём-то просит и тем более настаивает, то противиться этому совершенно нет смысла. И, конечно же, он начал своё повествование о том, что творится на юге, да и что вообще происходит в Империи. Он рассказывал всё достаточно подробно, чтобы еда уже оказалась уплетена, но недостаточно долго, чтобы наскучить старику.

Поведал он о бесчинствах троллей на подступах к Белому Городу, о добыче и обработке железа, о невероятных историях, что ходят вокруг старой южной крепости. Поведал он и о процветании Вавера, Великих равнин и земель Астетона, о стройках на берегу Бледного Моря, и о вырубке лесов на юго-западе.

– А дома, говорят, строят там целиком из особого камня. Издалека они сияют, словно осколки Солнца. Я сам там не был, и ничего своими глазами не видел, но мне рассказал об этом мой надёжный знакомый, на приёме у одного Интлибского князя, – говорил Всадник.

Старина Лорд слушал его, иногда кивая, иногда что-то мыча сквозь набитый рот. Разумеется, ничего интересного Всадник ему не сообщил. Не рассказал Всадник о новом витке вражды южных кланов, не спешил и рассказывать про состояние дел Императора. Оно и понятно: сам Лорд об этом не просил, а Всадник или не хотел делиться столь ценной информацией, или же просто сам об этом не знал.

Антоний как раз неторопливо пережёвывал последний кусок, когда Всадник, уже разгорячённый своим же собственным рассказом, описывал чудеса водопадов Озёрного Города и той трагедии, что произошла там два года назад. С громким звуком Лорд проглотил последний хрящ, и на полуслове перебил гостя:

– Спасибо, спасибо, мой юный друг, но всё твоё, без сомнения, крайне интересное и увлекательное повествование не содержит ничего нового и полезного для меня. Ты лучше скажи, что происходит в Императорской резиденции? Как поживает тот славный мальчуган, Глеб?

– Лорд Антоний, ваш, эм... как вы сказали, мальчуган... В общем, он уже почти год как Император, надеюсь, вам известно, что...

– Право, не смешите меня! – воскликнул, откинувшись на спинку стула, Владыка Севера, – для меня он всё такой же мальчишка, что и был когда-то. Эх, помню я, с его прадедушкой, да ещё с десятком таких же отчаянных, как мы, бойцов, врезались в руины Стрэртона, как нож в масло... Да, как же давно это было...

Лорд Отертонский мечтательно закрыл глаза, повисла и укоренилась неловкая пауза. Спустя какое-то время Всадник всё же решил её прервать.

– Про то, что вы спрашивали... Император, после смерти дяди, конечно расстроился, но довольно быстро взошёл на престол, попутно соблюдая все законы, кодексы, писанные и неписанные правила, – словом, всё, как и полагается настоящему Императору. Это вы и так наверняка знаете. Сразу же он начал издавать указы о... да вы и об этом тоже слышали. А вот не так давно... Что же, пришло время наконец-то перейти к тому, за чем я, собственно, к вам пожаловал. Предупреждаю сразу: это дело чрезвычайной важности. Не далее как пят... уже

шестнадцать дней назад его Величество Император Глеб, после скрупулёзного изучения отчётов о состоянии дел на Северо-Западном фронте, провёл со своими ближайшими советниками тайное совещание, на котором довелось присутствовать и вашему покорному слуге. Поскольку мне по долгу службы приходится бывать в совершенно разных местах, то... В общем, Императору Глебу требовался всё повидавший, преданный человек, который смог бы подтвердить или опровергнуть все возможные слухи. После окончания, признаться, довольно длительного обсуждения, Император оставил меня и сказал:

– А тебе, Всадник, я поручаю особую миссию. Тебе предстоит доставить написанный мною указ лично лорду Отертонскому, и никому другому. В нём будет изложено всё, к чему мы пришли после столь длительного обсуждения. Я так же рассчитываю на твоё содействие на Северо-Западном фронте, Антоний выделит тебе людей. Да-да, ты останешься там, Я так решил. Как только начнёте – сразу же отошлите гонца, но подробностей в письме не сообщайте, лишние слухи нам не нужны... Ты меня понял?

Затем Император вручил мне этот, простите, немного запаханный в дороге пергамент, украшенный Имперской восковой печатью.

И с этими словами, Всадник достал из-под чудом не намочшего плаща сложенное в несколько раз Императорское письмо.

Старик протянул крепкую, костлявую руку, и быстро схватил снежно-белый листок. Солнце уже вставало, и утренние лучи развеяли таинство ночи. Властитель Севера, избавившись от воска грязным ногтём, развернул письмо и целиком погрузился в чтение. Он щурил глаза, приближал и отдалял письма, по несколько раз перечитывал строчки и хмурил и без того испещрённый морщинами лоб.

– Да, кстати, – Отертонский Лорд оторвался от листочка и пронзительно посмотрел на вновь заговорившего Всадника, – Его Величество Император Глеб просил передать искренний привет и пожелания доброго здоровья любимому дедушке Антону.

Сияющая, по-доброму смущённая улыбка озарило его лицо. В смутном свете зарождающегося дня Всадник отчетливо видел улыбку дедушки Антона, но не сумел разглядеть две слезинки в уголках глаз пожилого человека.

По мере того, как Владыка Отертонский, вечный властитель Севера, углублялся в чтение, улыбка его меркла, черты лица заострились, а морщины, и так изрядно покрывавшее его лоб, ещё более углублялись. Когда Антоний, дочитав наконец-то до конца, отложил Императорское письмо, то выглядел, мягко говоря, неважно. Какое-то время он посидел молча, затем, тяжело вздохнув, обратился к гостю:

– Так ты говоришь, Всадник, тебе ведомо, что написал здесь Император?

– Да, Лорд.

Антоний задумался.

– Ваша светлость, ну, что вы скажете?

Антоний молчал. Молчание затянулось.

– Ваша светлость?

Владыка Севера положил письмо, встал из-за стола, и медленно подошёл к высокому, узкому окну, в которое уже всю просачивалось утро. Долго он смотрел вдаль, долго он пытался разглядеть то, что было ведомо только лишь ему одному. Долго, но безуспешно. Туманны и неразборчивы были очертания северных просторов, Рессевиль и Ледяные Пустоши были скрыты за горизонтом, а протяжённый дикий лес был окутан мраком, полон тайн и сокрытых от взора загадок. Дурные сны ли, упавшее зрение, или же вовсе навалившееся вдруг тяжёлое настроение и нерадостные думы были тому причиной, но этим утром он почему-то не мог как прежде любоваться столь родной ему землей и восхищаться полюбившемся за многие годы пейзажем свободных, лихих северных земель. Он тяжело вздохнул.

– Из топей, из чёрных ущелий бесформенный страх восстаёт...

Всадник удивлённо уставился на Северного Лорда. Тот развернулся.

– Знаешь, похоже, Юный Глеб не так прост, как кажется... Он молод, он горяч, он амбициозен. Мой юный друг, на своём опыте я могу подтвердить, что характер, какие-то задатки человека, проявляющиеся в самом юном, в самом беспомощном возрасте, остаются с нами на всю жизнь...

Лорд Отертонский подошёл ко столу и медленно сел обратно. Лицо его ничего не выражало.

– Ты знаешь, Всадник, я по-своему согласен с Глебом. Те времена, когда жители Бурых равнин не спали ночами, вилами защищая свой дом, своё хозяйство, свою деревню, давно прошли... И, безусловно, Великая Стена, десятки лет отгораживающая нас от этих тварей, уже давно устарела... И я считаю решение Глеба, конечно, правильным... Но...

Тут Лорд Отертонский заметно замялся.

– Что «но»? Говорите, Лорд Антоний!

– Но... я боюсь, – несколько виновато промолвил тот.

– Бойтесь? Вы? – воскликнул поражённый Всадник. – Как вы вообще можете чего-то бояться? Вы же само бесстрашие, вы же Северный Владыка, вы не можете ничего бояться! Я помню, когда только-только учился, видел вас на коне, пересекающим бескрайние просторы, в одиночку вы боролись против нескольких умертвий. Вы же сами – вечный воин, бесстрашный серебряный огонь, неужели есть хоть что-то, то может вас испугать? Как вы вообще можете бояться?

– А вот представь себе, беру и боюсь. Видишь ли, мой юный друг: Император прав, когда говорит, что с каждым годом на нас нападает всё меньше и меньше мертвецов. Так оно и есть. Однако среди Мглистых болот, среди Гиблых, Проклятых Руин, поселилось нечто... опасное. Думаю, и ты знаешь, какие слухи ходят о Стрэртонских огнях, я уж не говорю о страшных тварях с крыльями и большими глазами, которые порой терроризируют наши северные рубежи. Когда я...

– Светлейший, позвольте. То, что вы сейчас упомянули – всего лишь домыслы. Даже если в этом и есть какая-то доля истины, вреда ваши огоньки или несуществующие чудища приносят гораздо меньше, чем оравы голодных до горячей крови мертвецов. Не думаю, что они опасны. К тому же все небылицы, как правило, повествуют о какой-то чертовщине, о странных явлениях, происходящих только в окрестностях Гиблых Руин... Уж не знаю, действительно ли там что-то есть, или местные очень уж любят травить байки, но на Мглистых болотах совершенно точно всё спокойно, это ясно как день. Там нет ничего из этого! Единственное, что там есть – это остатки наших городов и крепостей, охраняемые ожившими трупами, численность которых постоянно падает. Император Глеб полагает, что если дело и дальше так пойдёт, то очень скоро во всех Мглистых болотах не останется ни одного мертвеца. А знаете, что это значит? Это значит, что в скором времени туда придём либо мы, либо туда придут орки. И чем раньше мы займём заброшенные, населенные лишь пустоголовой мертвечиной крепости, повторяю – НАШИ крепости, тем раньше мы сможем укрепиться, тем раньше мы сможем восстановить разрушенное, тем раньше мы сможем отвоевать своё. Великая Война не закончена, мы...

– Да-да-да, Великая Война не закончена. Как часто мне в былые времена приходилось слышать это от... – начал было Отертонский Лорд, но Всадника было не остановить.

– Или вы хотите, чтобы Стену штурмовали уже не безмозглые мертвецы, а хорошо вооружённые, организованные полчища орков? Сами посудите, если дать им проникнуть в Междуболотск, если дать им укрепиться...

Старый Отертонский Лорд вздохнул. Нет, не то, совершенно не понял его Всадник...

– О Всадник, умерь свой пыл, дай мне вставить хоть слово! – воскликнул он. – Я и так прекрасно всё понимаю, не стоит мне рисовать чудовищные картины предстоящих дней. Я,

хоть и стар, но о будущем всё-таки думаю, и не меньше твоего. Представь себе, я даже застал те великие дни, когда люди сходились с орками в смертоносных схватках, такими огромными армиями, которые тебе даже и не снились. Это тебе не нынешние орки с юга, которые ни на что не способны! Я не говорю, что против похода. Пойми же: я просто опасаюсь, что наш поход может разбудить ещё большее зло, чем мертвецы, орки, или даже тролли. Уж слишком тревожные вести приходят порой из глубин Проклятых руин...

– И причём здесь Проклятые Руины? То зло, которое, судя по вашим словам, крепко засело среди развалин наших городов, не имеет никакого отношения к разрозненным мертвецам Мглистых болот. Как-никак от Мглистых болот руины отделяет несколько десятков миль густой тайги, в которой стоят наши вооружённые люди. Нет ни капли сомнений в том, что зло проклятых руин не сможет прорваться сквозь отлично слаженную оборону и распространиться на болота, если вы именно этого опасаетесь. Даже если среди развалин старых дворцов что-то и существует, то оно, судя по всему, никуда и выползть-то не хочет, а иначе мы бы не ограничивались несколькими разрозненными рассказами и вымыслом пары-тройки полоумных. Мы можем сколько угодно опасаться неизвестного, но Великий Император Глеб предлагает воевать и защищать наши рубежи исходя из того, что мы знаем, а не из того, чего мы боимся. И если...

– Мудрые слова, – сказал, хитро прищурившись, Старый Лорд,

– И если мы соберем достаточно сил, то нам удастся вернуть Междуболотск и Чисто-озёрск, два важных города, которые... – продолжил было Всадник, но Лорд уже его не слушал. Седовласый воин в годах нахмурился, будто сильно задумавшись, а затем уже и вовсе перестал слышать Всадника. Властитель Севера целиком погрузился в воспоминания о давно минувших, совсем ныне забытых днях, когда мир был куда проще и понятней, а сам он – гораздо моложе, сильнее и энергичней.

– О, Великий Император, сможем ли мы это себе позволить? – вопрошал красивый, молодой не то рыцарь, не то знатный вельможа – так хорошо были начищены его доспехи, настолько чистым, новым и ярким выглядел его красный плащ, настолько он сам был красив и статен собою, что затмевал и мрачного, угрюмого Императора, и всю ту угрюмую, безрадостную и тухлую обстановку, что, казалось, навсегда поселилась в этом месте и уже никогда не исчезнет. Они вдвоём находились в достаточно просторном зале, который и так был выполнен в тёмных, тяжёлых тонах тёмно-коричневого, немного посеревшего от времени дерева, так ещё и Солнце сюда совершенно не заглядывало. Единственным источником освещения здесь была тусклая, поставленная прямо на середину стола свеча, чей печальный свет не доходил и до углов небольшой грязной столешницы, а также совсем редкие лучики извне, оказавшиеся тут словно по какому-то недоразумению. Хоть здесь и не было тесно, но чуть левее головы нависала доска, явно поддерживающая крышу, а подступающая со всех сторон тьма и вовсе создавала впечатление, что они не то в маленькой, давящей пещере, не то в не более просторном тёмном чулане. Император восседал на... нет, не на троне. Осунувшийся, грязный Император сидел на обычной потёртой скамейке, и руками ел какую-то еду. Опрятный знатный человек поступал точно так же.

– Ты не понимаешь, я уже заручился поддержкой Северян. А тебе рассказывал уже об этом, да? Я дал им Имперскую благосклонность. И золота, много золота. Они и сами понимают, что если мы не объединимся, не...

– Тогда зачем ты дал им золото? – бесперемонно прервал его красивый человек, – если они и так бьются с нашим общим врагом, если они и так на нашей стороне, то зачем ты дал им наше золото?

– Молчи, молчи, замолкни! Не лезь не в свои дела. Это тактика. Это политика. Так вот. Поддержка Северян у нас есть. Рессевильская гвардия свернёт горы по одному только моему

щелчку пальцев. Можешь в этом не сомневаться, ха. Рогэтус из бурых тоже давно всё подготовил, ха. Остался один ты, да. Что скажешь?

– Что я могу ещё сказать? Я не совсем понимаю, чего ты так хочешь добиться, О-Великий-Император. Ну пойдём мы туда, и что будет? Ты хочешь бессмысленными воинами совсем обескровить людской род, чтобы на всех Бурых равнинах не осталось ни одной живой души? Этого ты хочешь, скажи?

– Нет, глупец! Ты сам подумай, кхе. Мы зайдём туда, вклинимся. Победа будет за нами! Не важно, орки там, или мертвецы. Мы всех их перебьём. Вместе, сообща, общими силами. Вместе. Займём город. Вместе с Северянами мы окружим Проклятые города, выкурим оттуда эту нечисть. Наши страдания закончатся...

– О боги! Слышал бы тебя твой отец. Разве ты не помнишь, чем закончилась наша первая, и, к счастью, последняя попытка? Разве ты забыл, чего нам стоило возвращение Имперской Короны? Уж не забыл ли ты, КТО обитает в проклятых руинах? Да и скажи на милость, как ты планируешь занять тот же Междуболотск, славящийся своими неприступными стенами? Вполне возможно, что в этом хорошо укреплённом городе уже всю хозяйничают орки, и что тогда? Даже если мы соберём все силы, то мы не сможем наверняка взять эту крепость. Уж вы-то, ваше величество, должны хорошо это знать...

– Тихо. Тихо, спокойно. Если орки были бы в Междуболотске, они бы нападали. Орков на севере нет. Сейчас нет. Проклятие распространилось далеко за Гиблые Руины. Наша цель – отвоевать город. Мы сосредоточим все силы. И кнутом и мечом уничтожим ужас! Ужас, засевший в стенах Стрэртона. Победа будет за нами. Если...

Император продолжал свою проникновенную речь, но собеседник его уже не слушал. Благородный человек крепко задумался. Он вспоминал о тех многочисленных небылицах, слухах и домыслах, что в последние полтора десятка лет наводнили всю оставшуюся Империю. Те немногие, что выстояли в бесчеловечных боях, в перерывах между битвами и тяжёлой работой, очень любили выпить и поболтать. Конечно, как правило ему доводилось выслушивать один только вымысел и глупые предрассудки, но иногда эти рассказы могли быть правдой. Во всяком случае, могли быть отдалённо похожи на правду.

Вдруг Антоний всё понял. Он пристально (конечно, ровно настолько, насколько позволяло освещение) посмотрел Императору в глаза. Тот всё говорил и говорил, всё размышлял и разглагольствовал о том, как быстро они отвоеют Междуболотск, а после него и все северные города, и какая благодать и всеобщее процветание за этим наступит. Его явно лихорадило. Император искренне, проникновенно, с упоением вспоминал невозполнимые утраты минувших дней, вспоминал павших героев ушедшей эпохи, вспоминал отца и погибших старших братьев. Его словно бы не заботило настоящее, он словно до сих пор жил прошлым. Вспоминая о своём великом отце с братом, он громко всхлипнул. Глаза его неестественно блестели. Стало понятно, что нынешний Император готов бросить в топку войны всё последнее, что у них осталось, лишь бы отомстить. Его не заботили никакие жертвы, похоже, он считал любые жертвы оправданными, чтобы хоть как-то отомстить за кровь, пролитую в сражениях прошлого. Стало понятно, что идея бесконечной, непрекращаемой, каждодневной войны настолько овладела им, что как-то спорить, пытаться вразумить его было опасно для жизни. Но помимо явно подкрадывающегося безумства и жажды мести было ещё что-то. Что-то невидимое, неуловимое. Что тянет его именно в Междуболотск? Почему он изо всех сил хочет проникнуть именно за стены этого города и одноимённой крепости? Похоже, Антоний знал на это ответ.

– Золото, да? – настороженно спросил он. Император встрепенулся.

– Да, мой друг. Золото. Много Золота.

И вот, спустя без малого пятьдесят лет, Антоний точно так же, лицом к лицу сидел с жаждущим войны, мести, кровопролития и реванша молодым человеком. Правда, то был уже не

Император, а его посланник, сидели они в одной из бесчисленных башен Отертонского замка, а не в Рессевильской ратуше, да и Император нынче был молодым, рассудительным юношей, а не закалённым в невероятных боях человеком, потерявший от рук орков и умертвий всех, кто был ему дорог, а вместе с ними – и здравый рассудок. Да и, чего греха таить, Северный Лорд уже много лет был на закате дней своих, и от блистательного могучего воина уже почти ничего не осталось. Что же делать? Антоний внимательно посмотрел на Императорского посланника. Знает ли он, догадывается? Вдруг Император рассказал ему про золото? С другой стороны, ни Император, ни Всадник могли и слыхом не слыхивать о второпях отвезённых и в спешке брошенных многих мешках с золотом, что по старинному, ныне уже всеми забытому преданию хранятся в подвалах Междуболотской крепости. И вот теперь, как пятьдесят лет назад, Император хочет отвоевать почему-то именно этот город. Казалось бы, многое изменилось, но...

Можно ли ему доверять? Можно ли доверять Всаднику? Лорд Антоний прекрасно помнил, как он, в былые времена, вместе с несколькими своими учениками из Ордена рассекал северные просторы Бурых равнин, вторгался в Кривой лес и даже немного совался на территорию Проклятых Руин. Всадник тогда показал себя достаточно талантливым и способным воином, он многое...

– Золото? – наконец решился он.

– Что? Какое золото, вы о чём?

Всадник явно не имел никакого понятия о золоте.

– А... Так ты не знаешь. Похоже, Император тебе об этом не сказал... Хотя и ему-то откуда знать? Даже не помню, рассказывал ли я подрастающему Глебу что-то подобное. Да и не важно. Тебе я, пожалуй, расскажу...

Существует легенда, или предание, или сказка (называй как хочешь), повествующая о том, что во время Великой Войны какой-то очень богатый человек, спасаясь бегством с уничтожаемых и выжигаемых орками земель, прихватил с собой несколько телег, нагруженных золотыми мешками. В общем, богач захватил всё, что у него было, и поехал на восток. Лет шестьдесят назад поговаривали, что он остановился в Междуболотске. Будто бы не хотел он бежать в Астетон, как все, потому что боялся обманутых им вельмож и влиятельных купцов. Согласно позабытой ныне молве, богачей выбрал Междуболотск для хранения своих несметных сокровищ. Будто бы он верил, что орки не доберутся до Мглистых болот, и уж во всяком случае не преодолеют стены знаменитой крепости... Как бы там не было, но в скором времени орки наводнили болота, намереваясь ударить по Великим Северным Городам. Прежде они, конечно, напали и захватили Междуболотск. Кто-то отступил, кто-то спасался бегством. Затем при Дрэиде произошла большая битва... В общем, те суровые деньки мало кого пощадили. Но немногие выжившие после всего этого рассказывали, что, дескать, золото-то никуда не делось, и оно по сей день надёжно спрятано где-то в подземельях замка. Правда это или нет – никто того не знает. Однако, если золото там действительно есть, то вся эта затея, на мой взгляд, приобретает смысл. Ибо в наши дни золота не добывают, а то, что осталось от предков постепенно стирается, теряется и развеивается, словно зола на ветру. С каждым годом этот драгоценный металл всё дороже и дороже...

Всадник молчал. Да, такого поворота он явно не ожидал. Интересно, знал ли об этом Великий Император Глеб? С одной стороны, не мог не знать. Он же – всеведущий, он же – Император. Думать, что Император мог хоть чего-то не знать, хоть чего-то не ведать, хоть в чём-то ошибаться было сродни кощунству и святотатству. С другой стороны, Глеб был даже моложе Всадника, и вся его мудрость и рядом не стояла со всей мудростью, знанием и опытом, которые имеются у Отертонского Владыки. Как ни старался Посланник Имперской воли, он никак не мог вспомнить, чтобы на Императорском совещании хоть раз звучало слово «золото». И что же? Великий Император чего-то не знает? И как ему, скромному Всаднику, поступить в данной ситуации?

– Но ведь это только лишь глупая, всеми забытая сказка, разве не так?

Старый Воин ухмыльнулся.

– Конечно, может и так. Но кто его знает?

Вопрос остался висеть в воздухе. Всадник молчал.

– А теперь, мой юный друг, позволь ввести тебя в курс наших с тобою дел. Император Глеб хочет от меня помощи в его, надо заметить, довольно рискованном и авантюрном... мероприятии, скажем так. Он предлагает мне пожертвовать моими людьми ради его амбиций и Императорской Воли. И я... Я, конечно, не смею отказать, если он приказывает. Но что мне-то за это будет? Опять погибнут многие воины, нас и так осталось немного. А если мы обратим на себя гнев орков, или ещё кого похуже? Я не буду осуждать Глеба, благо знаю, насколько тот порою может быть упрям. Боюсь, со временем, Имперская корона лишь только усилит это его качество. Да, Император – человек и упрямый, и волевой. И я не буду спорить с ним. Я согласен предоставить войска, о Всадник, Посланник-Императорской-Воли. Но только с одним условием: в случае успеха вы отдаёте треть золота мне. Половину вы отдаёте Императору, остальное вольны оставить себе, или распорядиться по собственному усмотрению.

Вновь повисло молчание. Всадник какое-то время поколебался, а затем произнёс:

– Договорились.

– Отлично.

– И так, какие у вас возможности, Лорд?

– Так-так... Хорошо. Я смогу отправить, хм... Ну, примерно две-три тысячи людей с Северо-Запада. Северные рубежи трогать нельзя, им и так приходится несладко. Гарнизон при Рессевиле тоже можно отправить... Так всё-таки сколько нам нужно человек? Вообще, предлагаю удалиться в библиотеку.

И они, сидя уже в личной просторной библиотеке Отергонского владыки, за древними картами обсуждали маршруты войск, возможные потери, вероятные угрозы. После того, как два далеко не последних человека в Империи сошлись ценой, процесс пошёл как по маслу.

На границе человечества

Молния пронзительной вспышкой обрушилась на землю, на мгновение озарив творящийся, кричащий ужас. Многоглазые одноногие твари с длинными языками, бесформенные облака страха, грызущие камень черви с огромной пастью всего на миг вышли из сумрака, всего на какую-то ничтожную долю секунды стали видны во всей своей красе, но и этого обычно хватало, чтобы неподготовленные мозги в буквальном смысле вскипали. Течение времени неумолимо приближало монстров, и ненормальные, не могущие существовать в нашем мире злобные тела со склизкими, чёрными пятнами вместо душ всё подходили, смыкали свои ряды, не ведая ни вопросов, не сомнений.

Эти безымянные чудища, порождения первородного ужаса, первородного зла, подступали всё ближе. Казалось, что все монстры сумеречной зоны выползли из своих обителей, окружив, обступив со всех сторон, извергая сворачивающие уши звуки, хлюпая и отрывая, скрипя и ехидно лая. Конечно, это было далеко не так, и здесь собралась только лишь мизерная толика потусторонних существ, населявших эти проклятые просторы. Низкое небо угрожающе нависало над макушкой, а сумеречный горизонт уходил вниз. Постепенно всё привычное стиралось, исчезало, и даже вездесущие руины и осколки зданий сходили на нет, уступая только голому, безжизненному серому камню, песку и пыли, а затем и вовсе одному только праху. Никакого света здесь не было и в помине, сама земля медленно, но верно искажалась, преобразуясь в гигантскую, бездонную воронку, ведущую в небытие. И хотя чудищ, живших в тени между мирами, было гораздо больше, чем сейчас окружило бедного, несчастного человека, всё равно при текущем положении вещей всякое упоминание надежды было бы даже не глупостью, а святотатством.

Из чудовищного, безжалостного полчища выплыло огромное, отвратительное существо, и с высоким, отчаянным хрипом стало приближаться. Оно было похоже, скорее на какую-то огромную сколопендру, что в незапамятные времена населяли просторы молодой земли. Хитиновый скелет светился мертвенно-бледным светом, сотни лап и клешней словно бы отталкивались от воздуха, а замысловатая челюсть, украшавшая трёхметровое тело, судорожно и быстро шевелилась. Нечто становилось всё ближе, и хтонические хрипы переросли в угрожающее стрекотание...

– Хтр, хтр, тр, тр, тру, тру-тру-тру....

Ну вот и всё, это конец. Всё-таки достигли, нагнали. Буря прошла, но конец неминуем. Смертельный ужас сковал ему душу. Какая бесславная смерть среди отмершего и отшелушивающегося мира! Он попытался закричать, но крик застрял у него в горле...

Весь мокрый, Ярослав вскочил с койки. Сердце бешено стучало, глаза вылезали из орбит, а ком в горле не давал сглотнуть накопившуюся слюну. Грудь его, облачённая в какие-то старые, выцветшие тряпки, вздымалась, как у загнанного коня, руки сильно тряслись и были холодными. Какое-то время он бессмысленно смотрел в одну точку, постепенно приходя в себя. Мало-помалу его зрение стало привыкать к скудному ночному свету.

Немного успокоившись, он оглянулся: все остальные воины ещё спали. Вскоре Ярослав, оставив тщетные попытки заснуть, тихо оделся и пошёл на улицу. Ужасающие картины дурных воспоминаний вперемешку с бредовыми кошмарами всё ещё стояли у него перед глазами, и ему нужно было как-то отойти от всего этого.

Он вышел из деревянного одноэтажного барака, в котором спали воины, и вздохнул полной грудью. Тишина стояла неопишуемая, спокойствие заполонило всё осязаемое пространство, и лишь где-то далеко-далеко, если приглядеться, светились маленькие тусклые огоньки. То были огоньки сторожевых башен.

Постепенно, не спеша, он завернул за угол и начал любоваться уже давно привычной, но от этого ничуть не менее прекрасной и живописной картиной бескрайних равнин, усеянных многочисленными озерцами. Прямо сейчас огоньки сторожевых башен робко мерцали у него где-то за спиной, а это значило, что далеко-далеко впереди, дней в десяти пути, лежат просторы Нэртонна. Люди там живут, не зная, какого это – каждый день быть начеку и во всеоружии, постоянно сражаться с вынырывающими и всплывающими из болот и озёр ожившими, безумными и жестокими тварями... Они не знают, что такое боль. Они не знают, что такое страх. Страх – это когда на тебя стеной наваливается армада костей с остатками мяса, и ты рискуешь быть погребённым под этой массой, если только подмога не подоспеет вовремя... Боль – это осознание невероятной потери, осознание того, что твой друг, поверженный в неравном бою, возможно, через много-много лет восстанет из могилы, и так же, как все остальные трупы, будет бесцельно и бессмысленно ненавидеть всё живое, будет пытаться перегрызть твою глотку, напасть на своих же друзей. Воистину, на этой проклятой земле нет покоя ни живым, ни мертвым.

Но вместе с беспросветным ужасом, творящимся на Северо-Западном фронте особенно часто, вместе с кошмарными и лихими обрывками воспоминаний, воины Империи приобретали здесь и ещё что-то гораздо более ценное. То было никакое не чувство дружбы, сплочённости, веры в Императора, – это всё глупые патриотические сказки для новобранцев. Они приобретали стойкий внутренний стержень, уверенность в собственных силах, способность броситься навстречу неминуемой гибели, головой вперёд, практически не глядя. Они постоянно оказывались в чрезвычайных, экстремальных ситуациях, на грани жизни и смерти. Да что там, всё противостояние между живыми и мёртвыми постоянно проходило на грани жизни и смерти. Они ныряли с головой за изнанку существующего и выходили разве что с небольшими потерями, охраняя жизни мирных людей от самого что ни на есть зла. Безусловно, это дорогого стоит.

А бредовые кошмары – так кто же от них не страдает?

Какое-то время он стоял, предаваясь воспоминаниям и пространным размышлениям. Луна куда-то запропастилась, а тусклые звёзды, казалось, вообще не светили. Сложно сказать, как долго он смотрел вдаль, о чём именно думал, но в конце концов он устал, замёрз, и поплёлся обратно в барак – досматривать бессмысленные сны.

Через какое-то время он проснулся вновь, но затем ему всё же удалось уснуть. Ещё через час лениво выползло Солнце, освещая окрестности. Барак Ярослава, стоявший посреди множества таких же, практически одинаковых, старых деревянных сооружений, был рассчитан на десять человек, и был оборудован чрезвычайно скромно. Да и вообще здесь, рядом с обиталищем злобных мертвецов, как правило жили люди военные, привыкшие к стеснённым, скромным условиям быта и к трудностям жестоких боёв, которых не смущали ни отсутствие лишнего места, ни скудность пищи. Воины жили в полутора десятках старых, неказистых деревянных зданий, что когда-то давно были воздвигнуты как раз с целью обеспечения бойцов Северо-Западного фронта мало-мальски приемлемыми условиями существования. Их небольшая воинская часть незаметно приютилась где-то между Сумеречным лесом, самыми окраинами Бурых равнин и бескрайними болотами. Вот уже несколько десятков лет в ближайших окрестностях не было ни души, а единственными живыми людьми были исключительно военные, чьи небольшие поселения разной степени пригодности для жизни были раскиданы на протяжении всего Северо-Западного фронта, причём на каждом участке его всё было по-разному. На самом севере, где границы Рессевиля переплетаются с Ледяными пустошами, brave воины Имперской армии дрожат, стучат зубами от холода, но защищают мирных жителей от набегов оленеводов и дикарей-чучунов, испокон веков питающихся человеческим мясом. Несколько западнее пограничные отряды содрогаются под натиском, под ударами умертвий и злых духов из руин Стрэртона и Озлетола, которые, затаив обиду и люютую ненависть ко всему людскому роду, время от времени выползают из щелей и углов и пускаются в смертоносные набеги. Немногим южнее воины Империи отражают набеги восставших из могил мертвецов, отражают нападки этих зловещих отголосков прошедших грозных битв времён Великой Войны. Вот здесь-то и начинались знаменитые Мглистые болота, имеющие крайне дурную репутацию.

Огромное, просто колоссальное сооружение, слепленное из булыжников, какой-то мутноватой грязи и уже изрядно подгнивших досок, казалось, растянулось на многие километры. Причина этому была проста: оно действительно растянулось на многие километры. Великая Стена мертвецов, как можно было легко догадаться по творящейся в округе чертовщине, называлась так вовсе не ради красного словца.

Стена Мертвецов на Мглистых болотах, будучи очень хорошо укреплённым (конечно, по меркам нашего времени) оборонительным сооружением, была сооружена лет пятьдесят-шестьдесят назад, в те далёкие, лихие, страшные дни, когда набеги разъярённых трупов случались каждую ночь, а жертвы среди мирного населения были колоссальны. В то время почти всё войско северного фронта было брошено на сооружение Стены, которая и поныне охраняет покой и жизни простых рыбаков и крестьян. Конечно, бывает, что какая-то группа особо оголтелых зомби прорывалась сквозь преграду, но такое в последнее время практически не происходит. Гораздо чаще, однако, небольшие группки восставших из могил воинов предпринимают ленивые попытки штурмовать Стену. Они собираются, толпятся у её основания, рычат, злятся и хлюпают. Вот тут-то в дело и вступают пограничные гарнизоны, которые никогда не испытывали нужды в людях и оружии. Именно в одном из таких гарнизонов и служил Ярослав.

Небольшие башенки в два-три этажа, пристройки, какие-то сараи и амбары постоянно попадались то тут, то там, на протяжении всей Стены. Каждые несколько сотен шагов возвышалась сторожевая башня. Возле некоторых из них стояли наглухо закрытые деревянные ворота,

которые практически никогда не открывались. По ту сторону Стены было, мягко говоря, небезопасно.

Многочисленные военные части и пограничные отряды, разбросанные по всей северо-западной границе, в этих краях встречались особенно часто. Воины и славные бойцы Империи здесь же и жили, в хлипких, на скорую руку сооружённых бараках, в пристройках к Великой Стене, или в покинутых мирными жителями разрушенных деревнях неподалёку. Быть может, раньше их жизнь и была преисполнена героизмом и смертельно опасными боями, но теперь весь героизм куда-то ушёл. Весной и осенью значительная часть войск сгонялась на обязательные сельскохозяйственные работы, чтобы хоть как-то прокормить целую ораву голодных ртов.

Ярослав с Виктором молча поднимались по крутой лестнице, ведущей на самый верх сероватой башенки. Оба несли целую охапку травы и хвороста вперемешку с высушенным торфом. Чуть ли не всю ночь после того кошмара Ярослав не мог спокойно спать, он постоянно ерзал на соломенных мешках и размышлял о чём-то столь метафоричном и абстрактном, что вряд ли в его словарном запасе были такие слова. На душе у него было беспокойно.

В который раз они вдвоём поднимались наверх. Тут было всё как всегда: слой земли и грязи покрывал обмазанные глиной толстенные брёвна, слагающие пол и стены старого величественного сооружения, из брёвен не столь внушительных состояли стены с бойницами и острая, слегка покосившаяся крыша, больше походившая на небрежно воздвигнутый навес. На третьем этаже башни находилась дозорная вышка с небольшой скамейкой, неприкосновенным запасом стрел и специальным сигнальным рогом на случай внезапного нападения.

Ярослав с Виктором оставили хворост на втором этаже, рядом с печкой. Лучи только что вставшего солнца не могли даже заглянуть в узкие бойницы, а потому внутри было достаточно темно и сыро.

Сторожевые башни горделиво возвышались над всеми окрестностями, преодолевая время и притяжение. Стена Мёртвых смело и решительно рассекала пространство, словно молния рассекает тёмное небо. Она делила этот мир на две настолько разные части, что впору было усомниться в его былом единстве. Царство мёртвых, царство теней было решительно и однозначно отделено от Империи людей этой длинной, деревянной стеной и тысячами вооружённых воинов, готовых с честью и отвагой защищать своих родных и близких.

Холодный северный ветер то усиливался, то вновь утихал. Несмотря на то, что весна уже полностью одолела снежные завалы, ночью и по утрам ещё было достаточно прохладно. Ярослав, как и положено по уставу, поначалу впивался глазами в непроглядные дали Мглистых болот, но затем и вовсе перестал туда смотреть – всё равно ничего нового он там не увидит. Всегда неизменная и постоянная необъятная равнина была усеяна невероятным множеством мелких озёр, больших луж, влажных торфяников. На западе, насколько хватало глаз, были нескончаемые, безжизненные, безлюдные просторы, на юго-западе было немного больше растительности, иногда даже попадались деревья. Если посмотреть чуть севернее, то можно разглядеть голубую гладь Бурлистого озера – одного из самых больших озёр в окрестности. Когда Ярослав, ещё будучи совсем юношей, только-только начинал свою службу, он встретился с одним старожилом – на вид пятидесятилетним, потрёпанным жизнью стариком, без зубов и с безумными глазами. Тот очень любил рассказывать, как раньше, лет тридцать назад, каждую ночь из Бурлистого озера восставали жаждущие свежей крови мертвецы, чьи глаза светились в темноте зелёными, холодными огоньками. В те времена обезумевшие твари порою сотнями штурмовали Великую Стену, и редко когда выдавалась спокойная ночка. Нынче же зеркально-гладкая поверхность Бурлистого озера была невозмутима. Ярослав уже и не помнил, когда в последний раз где-то в окрестностях видели хоть одного восставшего.

Они с Виктором, как всегда, молчали. Тяжело и тягостно тянулось время, по-прежнему безжизненные просторы Мглистых болот были всё так же пустынно. Если в них что-то и было, то оно скрывалось от людских глаз, залегло на дно и решило до поры до времени затаиться.

Они попеременно дежурили, то поднимаясь, то спускаясь с дозорной вышки. Все слова уже были сказаны, обсуждать было нечего. Так, в тягостном ожидании, на границе владений людей и мертвецов, медленно тянулось время. К концу дня их дежурство подошло к концу, их сменили ночные дежурные, а сами они поплелись обратно домой. Сегодня, как и вчера, на границе снова ничего не произошло. Так канул ещё один день, бесконечно серый, бессмысленный и скучный, затерянный среди бескрайней ленты такого же унылого времени.

Один день был чрезвычайно похож на другой. Иногда (правда, не так часто, как хотелось бы) устраивались соревнования по стрельбе, или бои на мечях. Однако гораздо чаще воинам надо было выполнять общественно полезные работы. Кормить свиней, собирать и готовить к просушке торф, пахать на полях – словом, Имперская армия ежедневными стараниями сотен и тысяч солдат находилась на полном самообеспечении. Кузнечное ремесло и выплавка металла – вот, пожалуй, то небольшое, чем не занимались пограничники Севера. Да и то так получилось только потому, что многочисленные рудники остались по ту сторону Мглистых Болот, и до самого своего основания кишат либо орками, либо мертвецами, а умельцы Нэртонга с лихвой обеспечивают всю Империю холодным оружием.

Как-то раз, спустя несколько дней, Ярослав шёл по какому-то очень важному делу. Это был вполне обыкновенный весенний денёк, затерявшийся среди десятка-другого точно таких же. Снег практически весь сошёл, суровое лето грозило вот-вот нагрянуть в здешние края полностью и окончательно, а потому обыкновенной суеты по хозяйству было больше обыкновенного. Он только-только прошёл большое двухэтажное каменное здание (насколько ему известно, единственное во всей округе), где жил, руководил, командовал и главенствовал Одноглазый, и как раз приближался к их большой конюшне, как вдруг краем уха уловил ритмичное перестукивание копыт. Через несколько секунд мимо Ярослава с бешеной скоростью пронёсся какой-то скакун в сером плаще, на таком же сером, подтянутом коне. Перед двухэтажным домом скакун так резко остановил беспрекословно послушную лошадь, что сам по инерции чуть не улетел. Спешившись настолько же быстро и резко, насколько внезапным было его появление, человек в сером плаще, даже не осмотревшись по сторонам, подбежал к массивной, деревянной двери двухэтажного домика, и принялся неистово и часто колотить в дверь.

– Послание от Лорда Отертонского! Послание от Лорда Отертонского! – кричал он.

И вновь продолжается бой

– Послание от Лорда Отертонского! Послание от Лорда Отертонского! – горланил спешившийся, запыхавшийся человек в сером плаще, чьего лица не было видно. Сказать, что он спешил – не сказать ничего. Гонец не переставал колотить по двери. Спустя минуту или меньше отворил Одноглазый. Ярослав не слышал, о чем они говорили, но очень скоро суетливый обладатель плаща отдал Одноглазому какой-то свиток, и поспешил удалиться. Так же молниеносно, резко и в спешке он вскочил на коня и умчался прочь, оставив лишь смущённое облако пыли да Одноглазого, который неторопливо разворачивал бумагу, судя по всему, подписанную самим Северным Владыкой. Интересно, что же там было? И к чему такая спешка?

А тем временем, в нескольких десятках километров к северу, в славном городе Камышовый град (или Камышград, как его частенько называли местные) народ жил своей бурной (конечно, по провинциальным меркам) жизнью.

Назван Камышград был в честь обильных зарослей камыша (на самом деле то были заросли рогоза, но это никого никогда не волновало), что когда-то давно, века три-четыре назад, росли в окрестностях. Это было настолько давно, что болота, чья граница в те времена как раз проходила по этим краям, ещё не назывались Мглистыми, а ходить по ним было относительно безопасно. Много лет в Камышграде добывали торф, ловили болотную живность, промышленяли сбором редких, целебных растений. Но потом наступило смутное время: в течении нескольких лет территория Империи сократилась вдвое, старую Столицу сожгли и разграбили орки, а земля в округе стала проклятой и малопригодной для жизни. Много людей полегло

тогда за Империю, сотни тысяч умерли от ужасных лап орков и гоблинов. Это были страшные времена. Время Великой войны, время жутких, кровавых побоищ, время, когда человечество было на краю гибели. Никто не задавался вопросом, откуда они возникли и откуда пришли, людей заботили более насущные дела: например, как в это непростое время выжить. Империя быстро сдавала свои позиции, сокрушалась под ударами кривых орских клинков, Император был убит, а его сын со свитой постепенно отступали, отходили на восток. В то время здесь, в Камышграде, проходила линия фронта, и каждый камень в этих краях – молчаливый, печальный свидетель разворачивавшихся смертельных баталий. До сих пор непонятно, как столь небольшой городок сумел выстоять в осаде несколько месяцев, прорвать блокаду и оттеснить захватчиков на запад, вглубь Мглистых болот, к самому Синеозёрску. В те дни, лет семьдесят назад, и произошло то самое знаменитое Дрэйдовское сражение, в ходе которого каким-то чудом была повержена почти вся захватническая армия орков. С тех пор продвижение нежити на Восток прекратилось, орки ушли на запад, туда, где раньше жили люди, а остатки человечества стали влачить своё существование на востоке. И те, и другие были слишком слабы и истощены войной, чтобы продолжать биться, и никто из них не обладал теперь достаточной силой, чтобы сокрушить противника. После знаменитого сражения стычки между остатками орков и людей постепенно сходили на нет, пока не стали совсем редкой диковинкой, а на севере, в районе Проклятых Руин и Мглистых болот, поверженные в жесточайших боях воины обеих сторон почему-то стали оживать, превращаясь в опасные, ходячие трупы, что ненавидели всё живое, будь то зверь, орк, или человек. Спустя несколько лет после Последнего Сражения мертвецы стали главной силой, главной опасностью в этих краях, и только путём невероятных усилий наших предков всё же удалось отстоять Камышград, не потерять север Бурых Равнин, а затем – отстроить Великую Стену, и по сей день защищавшую мирных людей от кошмарных порождений чёрной магии.

Первые годы после войны Камышград находился в полном упадке: значительная часть его была в руинах, а по ночам целые оравы зомби сметали худых, измождённых непрерывными боями погранвойск, носились по главным улицам города, убивали и уничтожали всё и вся. Те немногие города в округе, что устояли под натиском орков, не смогли пережить разрушительные набеги мертвецов и содрогнулись, пали, пришли в запустение, а ныне и вовсе превратились в позабытые, заброшенные руины. Однако Камышграду каким-то чудом удалось устоять. Город постепенно возродился, отстроился, став, пожалуй, самым большим, могучим и главным форпостом на северо-западе. В наше время ничто, кроме разве что руин большой восточной башни не напоминает более горожанам о тех давно минувших днях, когда каждый клочок города превращался в полигон для битвы.

Наступало утро. Город, за ночь успевший покрыться ровным слоем чистого, белого снега, постепенно оживлялся. То тут, то там из печек в избушках появлялся робкий дымок, в центре города медленно и чинно прохаживались конные повозки, а по многочисленным улочкам среди одноэтажных домиков всюду сновали проснувшиеся, свежие люди. Многие из них были приветливы и веселы. Они радовались выглянувшему Солнцу, радовались свежему ветру и новому дню. Уже через неделю зима перестанет биться в своей последней, финальной агонии, снег окончательно отступит и растает, обнажив серые, унылые пейзажи, освободив жгучую энергию весны и обжигающий жар лета. Кругом царило необычайное оживление.

Оживлялся и начальник Камышградского Гарнизона (а по совместительству – заведующий всей линией фронта на Мглистых болотах) Всеволод Игнатьич. Это был грузный, седовласый человек на вид лет шестидесяти пяти, пришедший в Камышградский гарнизон рядовым солдатом, и дослужившийся до своего весьма почтенного звания самостоятельно, без чьей-либо помощи, с самых низов. Он ещё застал то время, когда каждую ночь совершались набеги, когда каждое утро они недосчитывались десятка-полтора воинов. Это был, без всякого сомнения, человек старой закалки. Всеволод Игнатьич видел толпы мертвецов на улицах города,

бился на смерть с десятком врагов, защищал жизнь, спокойствие и процветание Империи. Это был человек, который помнил рассказы старых, покрытых глубокими шрамами на душе и на теле воинов, прошедших всю Великую Войну, которые стояли лицом к лицу с самим Дьяволом, которые были в таких передрягах, что спустя десятилетия страшно вспоминать и говорить. В общем, это был человек с завидным военным опытом, огромным багажом знаний, чрезвычайно эрудированный и наученный предыдущим поколением воинов мастер своего дела. В то утро он, как раз орудуя старым искусным ножом, намазывал масло на хлеб. Жил он в благородном двухэтажном здании неподалёку от главной площади города, буквально в минуте ходьбы от городской ратуши, что было чрезвычайно удобно, поскольку он по должности своей был если не первым, то уж точно вторым человеком во всём Камышграде. И как раз этим утром в дверь его дома раздался частый, нетерпеливый стук.

– Кого там ещё принесло, а? – недовольно отозвался Всеволод Игнатьич. Подняв своё немолодое, грузное тело, он спустился по широкой деревянной лестнице с резными перилами. Ступеньки громко поскрипывали. Миновав большую, из толстеного дерева тумбочку со старинными, чудом сохранившимися вазами и замысловатыми стеклянными фигурками, он прокричал:

– Да иду я, иду!

Между тем незваный утренний гость стучал всё настойчивей.

Всеволод Игнатьич недовольно распахнул красиво украшенную узорами дверь с массивной ручкой. По его насупленному виду было сразу видно, что сейчас он выскажет всё, что думает про своего гостя, и то будут вовсе не доброжелательные слова приветствия. Но едва он увидел неожиданного посетителя, как тут же явное недовольство сменилось оторопью.

Перед ним стоял человек без лица. Вернее, лицо наверняка у него было, однако оно было настолько хорошо скрыто, что ровным счётом ничего не было видно. Тёмная тень от надвинутого, большого сероватого капюшона словно бы впечаталась в визитёра, серый плащ же и примитивная накидка совершенно скрывали не то что фигуру, но даже силуэт человека. Нежданный гость по привычке прямо в лицо гаркнул:

– Срочное послание от Лорда Отергонского!

От чего Всеволод Игнатьич зажмурился, что, впрочем, слабо спасло от летящих в него слов и слюны. Мгновенно человек-в-плаще откуда-то материализовал украшенный Отергонской печатью свиток, и уже изрядно помятую бумагу с пером.

– Распишитесь в получении, Всеволод Игнатьич, начальник-камышградского-гарнизона.

Пожилой человек от неожиданности сразу же принял свиток и немедленно расписался. Только хотел он что-то сказать человеку без лица, как – глядь! А его уже и след простыл, только осталось облачко пыли там, где вроде только что стоял такой же неприметный серый конь. Спустя какое-то время до Всеволода Игнатьича дошло, что гонец, кем бы он не был, произнёс его должность довольно унижительным, обидным и каким-то нарочито оскорбительным тоном, как бы издеваясь. Начальник Камышградского Гарнизона был раздосадован тем, что оказался лишён возможности высказать человеку в плаще всё, что думает о его манерах бесцеремонно и по-хамски общаться с представителями высшей власти, а также выяснить, кто он, чёрт возьми такой. Впрочем, это было не столь важно, как содержимое этого, видимо, очень серьёзного и безотлагательного документа.

– Интересно, что же там? – думал про себя управляющий всего Северо-Западного фронта, неуклюже разворачивая официальную бумагу. – Чего это взбрело в голову старику Антонию? Надеюсь, он меня пригласит на какой-нибудь пир, недаром мы же с ним столько... Может, что-то связанное со Стеной? Но тогда к чему такая спешка? А может, он решил, что я уже слишком стар, чтобы руководить обороной... Хотя, хе-хе, с его стороны это попахивало бы двуличием.

Развернув уже немного порванный свёрток, Всеволод Игнатич, шурясь, принялся читать письмо от Северного Владыки, а по совместительству – и от своего старинного приятеля. Однако, не успел он дочитать и второе предложение, как тут же, с оглушительным грохотом упал без чувств, попутно разбив одну особенно драгоценную вазу.

Неожиданно, пронзительно и громко зазвонил сигнальный рог. Ярослав вздрогнул. Могучие звуки сотрясали воздух, пространство, заполнили всё окружение, проникая даже в глубину, в сердце, в самую сущность. Вздрогнули и те немногие, что были рядом с ним. Давненько зычный сигнал не сотрясал окрестности.

Вздрогнув, воины Империи тут же успокоились. То был не сигнал, предупреждавший об опасности и нападении мертвецов, а сигнал, призывавший собраться на небольшой площади, что перед жилищем Одноглазого. Мгновенно ёкнувшее сердце отпустило, адреналин, столь любезно выпущенный в кровь мобилизованным организмом, после резкого скачка пошёл на снижение, и судорожно напряжённые мышцы отпустило. Вместе с осознанием того, что судьба подготовила им не поле брани, а какой-то бессмысленный сбор, пришла и тонкая горечь разочарования вперемешку с ощущением, что их в чём-то обманули, что их чего-то лишили. Что же, делать было нечего, и все, кто не дежурил сейчас на дозорных башнях, подтягивались к крыльцу, на котором уже стоял, внимательно изучая всех пришедших, Одноглазый. Похоже, он вот-вот будет держать речь.

Хоть издали фигура Одноглазого и была неотличима от фигуры любого обычного человека, находясь вблизи, при взгляде на него становилось, мягко говоря, жутковато. Одноглазый, будучи ростом чуть ниже среднего, со спины практически ничем особым не выделялся, разве что при движении постоянно прихрамывал – давали о себе знать застарелые раны. Но если он повернётся лицом... Голова его, находясь на предпоследней стадии облысения, способна была ввести в заблуждение кого угодно, ведь возраст по ней совершенно нельзя было определить – то ли ему было слегка за тридцать, то ли за шестьдесят. Да и среди его подчинённых, пожалуй, не было ни одного человека, знавшего наверняка, сколько тому лет. Имея заострённые черты лица, достаточно крупный нос, старые шрамы на щеке и подбородке, значительно искажавшие и так не самый лицеприятный замысел природы, могло сложиться впечатление, что Одноглазый всегда чем-то недоволен и зол. Собственно, так оно и было. Помимо этого, каждое слово его, всегда больше колючее, чем скрипучее, выдавало в нём постоянное, страшное раздражение всем происходящим. То было вовсе не раздражение потерявшего контроль и самообладание человека, вовсе нет! То было скорее раздражение человека, которого словно бы постоянно отвлекали по пустякам от чего-то чрезвычайно важного. Но ни испещрённое шрамами и морщинами лицо его, ни странно торчащие зубы, ни резкое и своенравное поведение – всё это не так впечатляло, как его глаза. Вернее, всего один глаз, поскольку вместо второго глаза в череп воткнули мутную, отсвечивающуюся, жутковатую стекляшку. Согласно легендам, второго глаза он лишился не то во время дуэли, не то в наказание за дуэль в какие-то не то совсем далёкие, богом позабытые времена, не то вроде как лет пятнадцать-двадцать назад – точно уже не вспомнит никто, настолько много было тайн, слухов, домыслов и догадок насчёт его прошлого. Один-единственный глаз, казалось, смотрел в самую душу, в самое сердце человека, срывая все возможные покровы и тайны, выводя всё и вся на чистую воду, оголяя человеку нервы, будто выворачивая наизнанку. При желании Одноглазый мог пробуравить дыру своим глазом где угодно, а вместе с мутновато-блестящей невидящей стекляшкой в другой глазнице лицо его безусловно, создавало пробирающее до костей впечатление.

Прошрое его было покрыто мраком, однако тот факт, что вместо имени он использовал прозвище, его проскальзывающее временами образованность и эрудиция, а также прекрасное владение мечом – всё это косвенно указывало на то, что принадлежал он к одному достаточно влиятельному тайному ордену, в котором, по слухам, был замешан и сам Лорд Отертонский. Впрочем, это материи настолько таинственные, настолько погружённые в сумрак истории и

позабыты даже посвященным, что рассуждать о них – дело заведомо проигрышное, не говоря уже о том, что глупое и неблагородное.

Одноглазый стоял перед всё растущей толпой народа. Сложным и непередаваемым было выражение лица его, казалось, что он никого не замечал, целиком и полностью пребывая в своих размышлениях. Когда, наконец, все собрались, он собрался с духом, и молвил:

– Братья мои, боевые товарищи, сыны Империи! – со скрипом и скрежетом начал он обещающую быть довольно пафосной речь. – Все мы уже много лет защищаем рубежи нашей родины здесь, за Великой Стеной. Однако истинно глаголю вам: как неразумному дитя приходит время выбираться из стен своей колыбели, познавать мир, так и нам придётся покинуть наши спокойные (тут на его лицо легла жутковатая ухмылка) стены, и отправиться в поход по суровым, опасным землям. (тут повисло тяжелое молчание с лёгкими оттенками недоумения, что очень хорошо читалось на лицах людей). Одноглазый откашлялся.

– Великий Император и Владыка едины в своём мнении: пора. Мы слишком долго ждали, мы слишком долго не высовывались. От чего мы скрываемся? Кого мы боимся, этой безмозглой гнили?! Надо выйти из застенков! Пришла пора пойти с мечом на царство умертвий, уничтожить последние их остатки. Великий Император приказывает нам собрать силы и выступить в поход, дабы сокрушить античеловеческие силы! И Победа будет за нами!

Сначала люди не поняли, что же всё это означает. А потом как поняли...

Одобрительный гул, состоящий сначала из невнятного мычания и шёпота, перерос в конце концов в самый настоящий воинский рык и приветствие. Народ ликовал! Наконец-то мы идём в поход! Да ещё в какой – самый что ни на есть победоносный, сокрушительный поход против исчадий тьмы, за всё хорошее против всего плохого, за себя, своих друзей, близких, за Императора!

Шквал эмоций, среди которых было, естественно, не только ликование и готовность идти в бой и рубить с плеча (хоть они и терялись на фоне превалирующих), захлестнул воинов, и долго народ не мог хоть немного стихнуть, успокоиться. Наконец, Одноглазый, подождав достаточно долго, поднял ладонь вверх, и все достаточно быстро смолкли.

– Великий Император, властитель Людей, и Лорд Отертонский, Хранитель Севера, вместе со своим народом сокрушат эти гнилые, мерзостные останки орчьего проклятья. Мы победим! Но для победы нам нужны люди. Вы готовы идти в бой, сыны Империи?!

– Да! Ура! – прокричали изголодавшиеся по действию воины, готовые с головой броситься навстречу смертельной опасности, навстречу приключениям и захватывающим дух сражениям хоть сию секунду. А если всего этого не будет, то зачем тогда жить?

– Нам надо не только выступить в поход, но и не оставлять без прикрытия Великую Стену. Поэтому, приказываю: На Сторожевых Башнях останутся... – продолжил, переждав взрыв очередного ликования, Одноглазый. Теперь уже все слушали внимательно, жадно ловя каждое слово командира.

В страшной спешке и суматохе прошли два последующих дня. Часть воинов, как и было положено, осталась здесь, и дальше продолжила охранять от недругов вверенный им кусок границы, часть Великой Стены. Приблизительно шесть десятков вооружённых людей (то есть чуть больше половины) судорожно готовились к походу: запасались, по возможности, провизией, точили мечи, готовили одежды. Одноглазый, конечно же, не мог остаться сидеть в стороне, и возглавил их победоносный отряд, а ответственным за защиту границы временным заместителем назначил Терентия – спокойного, рассудительного воина в летах, что уже давно был правой рукой Одноглазого в разного рода организационных вопросах. Наконец, ранним утром, все шестьдесят воинов отправились в поход. Суждено было угодить в этот отряд и Ярославу.

Они выдвинулись до восхода Солнца, надеясь добраться до Камышграда ещё до заката. Прощание с немногими оставшимися, и с ещё более немногими свободными от дежурств товарищами проходило молча и быстро, а таинство ночи и спешка в выступлении придавало

всему действию атмосферу некой таинственности, скрытности, собранности и сосредоточения, и потому всем было не до долгих прощаний. К тому же непоколебимая уверенность в скором и победоносном завершении их похода завладела умами всех людей, а потому никто и не думал, что в будущем возможны какие-то значительные потери и жертвы. И так, как бы там не было, вышли они ранним утром, лишь пожав на прощание руки немногим провожавшим, и смело, не оглядываясь, двинулись строго на восток – к главной дороге. Конечно же, большинство были мечники, однако были среди них и хорошие лучники, и обладатели внушительных боевых секир, очень действенных в бою против нежити. Шли, естественно, пешими, а троих несчастных коней, имеющих в распоряжении, нагрузили провизией под завязку.

Светало. Отряд, пробираясь на восток, всё удалялся от границы, от Великой Стены и самих Мглистых Болот, а потому всё меньше попадалось на их пути торфяников, мелких озёр и заросших прудов. Вскоре взошедшее солнце осветило перед ними бескрайние просторы Бурых равнин, не покрытые сейчас ничем, кроме прошлогодней, пожухлой травы, да едва приметных молодых росточков. Только-только растаявший снег долгое время не позволял прорасти вездесущей, всепобеждающей энергии жизни, а потому внушительные пространства выглядели сейчас весьма пустынно и безжизненно. Сдаётся, что тот, кто назвал эти вольные места именно Бурими Равнинами, впервые вступил на эти земли с первым сошедшим снегом.

Солнце, осмелев и словно почувствовав всю свою силу и убедившись в ней, целиком выползло из-за горизонта, светя прямо в лицо воинам, словно бы их приветствуя. Однако довольно скоро они дошли до поворота на север, и вот уже солнечные лучики врезались в них с правой стороны.

Шли максимально быстро, руководствуясь весьма смутной, размытой и неуверенной дорогой, представлявшей из себя более сосредоточение слабо вытоптанной грязи среди грязи чуть менее вытоптанной. Иной раз и вовсе было невозможно сказать, где кончается и где начинается дорога, но в общем и в целом шли они верно. Несколько раз по левую и правую руки им попадались большие, прямо-таки огромные валуны размером с половину дома, которые торчали, словно зуб в носу, среди ровного до горизонта пространства. Откуда здесь целые обломки скал, кто их сюда притащил, кто поставил? Уж сколько людей задавались этим вопросом, а камни всё стоят и стоят, безразличные к чьему-либо недоумению, столетиями величаво покоясь на своём месте. Несколько раз им попадались какие-то безымянные деревушки с покосившимися деревянными домиками, разваленными кирпичными руинами просторных амбаров, с заросшими замшелыми булыжниками величественных дворцов прошлого. Они казались совсем пустыми, заброшенными, вымершими, хоть и приглядевшись, можно было вычислить, что совсем в запустении они не были.

Тем временем они всё шли и шли. К полудню сделали небольшой привал, немного перекусили. Уже тогда блиставшие новизною пейзажи свободных просторов, что поначалу были глотком воздуха, казались чрезвычайно живописными, сменились скучными, однообразными, унылыми окрестностями, уже немного надоедавшими своим однообразием. Свободные передвижения военных (а уж тем более пограничников) на службе были запрещены, и поначалу многие с непривычки глазели по сторонам и жадно ловили каждый клочок свободного мира, но и он им вскоре приелся и надоел.

Их пеший отряд уже который час бороздил однообразные, бурые просторы. Одноглазый, несмотря на свою хроную ногу, бодро шагал впереди всех, временами оборачиваясь и крепким словцом поминая хвост растянувшейся колонны. Люди уже шли не так бодро, как в самом начале, но всё равно продвигались достаточно быстро. Снова они вошли в какую-то деревню, и маленькие, покосившиеся одноэтажные деревянные домишки вперемешку с грязью, скотиной и навозом окружили их со всех сторон. Какие-то дома были давно заброшены, но в большинстве из них угадывалась жизнь. Небольшие окошки, в массе своей затянутые бычьими пузырями, смотрели угрюмо и неприветливо. Во всей деревне только два-три дома

могли похвастаться окнами со стеклом. Почему-то именно в этой деревне вскоре из всех щелей вылезли мужики и бабы, чтобы поглядеть на воинское шествие – не каждый день такое увидишь! Их чумазы, немые лица, исковерканные нищетой и последствиями употребления какой-то бодяги, делали их больше похожими на чертей, чем вообще на людей. Ярослав вертелся, оглядываясь по сторонам. Несмотря на разительное сходство со всеми другими деревнями этого края, он понял, что здесь есть что-то новое...

– Слушай, ты не знаешь, где это мы? Долго нам идти? – спросил он шедшего как раз неподалёку воина.

– Нет, это только Нижние Лужи. До Гнилых Пеньков нам недолго идти... – отвечал он. – А там – и до Камышграда рукой подать.

Отряд, более не останавливаясь, шёл всё дальше и дальше. Прошли они по той же пыльной, грязной дороге Нижние Лужи, прошли ещё какое-то полуразвалившееся село. Небо внезапно заволкло тучами, начался дождь. Некоторые воины прямо на ходу развязали свои походные мешки и накинули осенние плащи, и Ярослав последовал их примеру. Одноглазый как ковылял впереди, так и продолжил продвигаться вперёд, не обращая внимания на непогоду. В добавок к дождю немного похолодало, и потемневшее, холодное окружение навеивало тоску и печаль.

Дождь и не думал прекращаться, а тем временем ранее пыльная, относительно ровная дорога превратилась в жуткое месиво из грязи и луж. Иногда им дорогу перегораживали грязные, мутные потоки. Отряд значительно замедлил шаг.

Где-то во вдаль начало показываться какое-то тёмное, размытое, расплывчатое пятно.

– Дошли! Наконец-то! – послышались перешёптывания спереди.

И действительно, минут через десять уже отчётливо были видны какие-то дома, тёмные башни, возвышающиеся над поселением, странные конструкции, что угадывались за пеленой дождя. Ещё через какое-то время они вошли в Гнилые Пеньки. Всюду царил хаос, суматоха и беготня. Уже на окраинах поселения количество военных зашкаливало. Одноглазый уверенно ковылял через главную площадь, и весь отряд, как всегда, следовал за ним. Многие воины, в том числе и Ярослав, удивлённо озирались по сторонам: они никогда раньше здесь не были.

Гнилые Пеньки представляли из себя жуткое и страшное зрелище. Фактически это был не город и не посёлок, а странный военный лагерь, форпост в борьбе с врагом, хаотично возникший лет шестьдесят назад, когда все остальные города в округе были захвачены мертвецами, и даже по улочкам Камышграда прохаживалась восставшая из могил нежить. Всюду здесь были утыканы высокие мельницы, какие-то странные деревянные башни, почерневшие от времени и не имевшие окон, покосившееся, опасно нависающие сооружения. Всё здесь было каким-то странным, несуразным нагромождением внушительных и не очень конструкций, о предназначении которых можно было только догадываться.

Они прошли между двумя слегка покосившимися башнями, из которых частоколом на врага были направлены старые, проржавевшие дула пушек. Стволы старинных орудий были направлены не только на юг, откуда пришёл их отряд, но и на запад, север, и даже восток – словом, весь периметр был просто усеян оружием. И недаром – враги кругом. За пушками следовали сооружения непонятного назначения, которые тоже сплошным кольцом опоясывали Гнилые Пеньки. Затем миновали несколько наблюдательных вышек на старых, покрытых мхом деревянных опорах. Пограничники с арбалетами лениво озирали вошедших в город, прохаживаясь на высоте шести-восьми метров над землёй. Рядом с дорогой был поставлен деревянный щит с надписью: "Враг не пройдёт! Император победит!" с соответствующей воинственной картинкой. Видимо, он здесь висел ещё с тех времён. Когда им показалось, что они уже вошли в город, так тут же они наткнулись на ещё одну линию обороны. Какие-то странные, похожие на колючки металлические конструкции были врыты в землю по всему периметру. Ярослав никогда такого не видел, но впечатление они производили действительно грозное. Вообще, вся

эта ржавая военная техника, рубежи обороны, молчаливые лучники производили очень гнетущее, и вместе с тем величественное впечатление, словно тяжёлые удары кузнечного молота по наковальне, звоном и эхом отражавшиеся в голове, словно едкий, неперебиваемый вкус ржавчины в разбитом и разодранном рту.

И только пройдя, наконец, последнюю линию обороны, они оказались в городе. Шли по улице между двухэтажных, одинаковых деревянных зданий, между которыми нет-нет да и проглядывалась плотная застройка из одноэтажных трущоб. Иногда, посреди улицы, как чёрт из табакерки выскакивал какое-нибудь укрепление, всюду торчали вышки. Время от времени по улице пробегали одинокие, гонимые штормом судьбы мирные жители, но по большей части по улице передвигались военные. Иногда появлялись огромные деревянные амбары с полустёртыми надписями. Впрочем, очень скоро это всё закончилось, не успев как следует начаться, и снова начались бесчисленные укрепления, вышки, стены и башни, старые дула пушек и колючие колья. Словом, они вышли из поселения, так и не успев в него войти. После того, как они оставили за спиной последнюю деревянную башню, все словно выдохнули. Впечатление было такое, будто они шли сейчас меж оборонительных бастионов, а не через мирный городок, вот уже несколько десятилетий не знавший врага в своих стенах. Шли они, хоть и медленнее, но очень скоро Гнилые Пеньки, как странный, бредовый, позабытый кошмар, скрылся за пеленой дождя, и никто уж более не вспоминал об этом гнетущем месте.

К вечеру дождь прекратился, и они вошли в славный город Камышград. Отличие было просто разительное: широкие, светлые улицы последнего, каменные статные сооружения, отсутствие засилья старого, проржавевшего оружия и отсутствие гнетущих вышек с арбалетчиками – всё это позволяло предстать Камышграду в гораздо более выгодном свете, чем то, что довелось им увидеть по пути сюда. Видно было невооружённым глазом, что город этот действительно жил, а не существовал. Туда-сюда сновали запряженные лошадьми повозки, куда-то спешили смелые, уверенные в завтрашнем дне мирные люди, смело и беспрепятственно торговали купцы. Впрочем, и здесь не обошлось без военных. Целые колонны, ряды, сотни имперских воинов стекались сюда со всех окрестностей. Кто-то был и вовсе местный, а кто-то (например, возглавляемый одним молодым принцем отряд из-под Рессевиля) добирался сюда три дня. Одним словом, здесь сосредотачивалась вся сила, собирался великий Имперский кулак, призванный единым резким движением уничтожить засевшую в Мглистых болотах гниль.

Шестьдесят воинов под предводительством Одноглазого вошли в центр города, и, наконец, остановились на главной, вымощенной сероватым булыжником площади, середину которой украшал давным-давно пересохший фонтан. Сказав своим подчинённым, чтобы те его дожидались, Одноглазый последовал в красивое, изящное двухэтажное здание с жёлтыми стенами, белыми колоннами, и большими арочными окнами с настоящим разноцветным стеклом. В красивом ухоженном здании, выстроенном скорее в стиле неоклассицизма, ярко, вызывающе горел свет. Уже успело изрядно потемнеть, и можно было только поразиться тому яркому свету, что освещал внутренне убранство. Ярослав не знал, но то был жилой дом Всеволода Игнатьича, что оттуда самоотверженно управлял всем Северным Фронтом. Скоро Одноглазый вышел оттуда, и приказал им последовать за город.

– Хорошо, что мы не опоздали, – заявил он, – там сейчас собирается всё войско. Говорят, выдвигаться будем завтра утром.

Военный лагерь не надо было искать: уже на окраинах города виднелись многочисленные огоньки костров среди бескрайних полей. Кто-то расстелил палатку, но основная часть воинов прихватила с собой какое-то подобие спальных мешков. Сложно было оценить количество воинов, тем более пришли они туда уже совсем среди ночи, но было понятно, что там их далеко не одна сотня. Сюда собрались воины отовсюду: с Великой Стены Мертвецов, с подступов к Проклятым Руинам, из дивизий у Рессевиля, и даже личные войска Отертона

пришли участвовать в походе. Владыка Антоний, к сожалению, не располагал таким количеством свободных воинов, чтобы набрать требуемую армию откуда-то из одного места, а потому приходилось брать понемногу из нескольких. На Северные рубежи Империи постоянно кто-то нападал, и невозможно было оставить ни один участок фронта без надлежащей защиты. Именно поэтому собранная армия была похожа на своеобразную солянку, на странную смесь из понемногу выданных в разных полях пучков травы. Все воины активно знакомились, рассказывали истории и байки из жизни, прикидывали, что же их ждёт дальше. Подумать только! Им предстоит участвовать в священной военной компании, подобной которой не было вот уж несколько десятков лет! Воистину, Великий Император возлагает на них большие надежды.

Отряд под предводительством Одноглазого разместился в лагере. Довольно длительный переход, совершённый практически без отдыха, значительно утомил их всех, а потому они довольно быстро забылись спокойным, восстановительным сном, даром что со всех сторон доносились шумы и свистели ветра. Заранее забегаая вперёд, стоит отметить, что это был последний спокойный сон Ярослава.

Проснулись они от зычного звука рога, который изрядно всполошил их всех. Армия в несколько тысяч воинов спешно собиралась, собирали в мешки скудные пожитки и походные принадлежности, брали наточенные на днях мечи и отремонтированные луки. Над окрестностями города опустилось словно бы предгрозовое затишье. В отдалении Камышград жил своей жизнью, как ни в чём не бывало, а на его фоне, на неизвестно откуда возникшем пьедестале стоял, облачённый в явно ставшее ему малой кольчугу, Всеволод Игнатьич, в окружении трёх каких-то несравненно более молодых, подтянутых, но менее суровых людей. Военачальник Северного Фронта решил обратиться с прощальным словом ко всей Армии, пожелать им удачи в их священном деле. Он держал речь:

– Товарищи! Бравые защитники Империи! Сегодня мы выступим в исторический, великий поход. Цель наша – отвоевать наши земли. Избавить, зачистить их от той нежити, что заполонила когда-то процветавший Север. От той мерзости, что по ночам вылезает из могил и хочет всех нас убить. Скажу правду. Я не буду говорить, что в этом походе нам будет легко, что мы вообще знаем, что происходит за Стеной. Правда в том, что большинство из нас, возможно, скоро умрут. А выжившие позавидуют мёртвым. Но мы должны победить. Великая Война не закончилась, вовсе нет. Мы должны победить, чтобы когда-нибудь наши дети снова могли наслаждаться вкусом свежей выпечки. Всё поставлено на карту. Буквально всё. Если мы проиграем, вся вселенная погаснет, как сгоревшая свеча. Поверьте, это будет очень плохо.

И если нам суждено пасть, давайте падём как герои, чтобы, когда сомкнётся тьма, мы могли подумать, что по крайней мере нам было весело. Вы боитесь умереть? Я – да. Я чувствую эту холодную дрожь, как будто кто-то кинул снег мне за шиворот. Но я знаю... история смотрит на нас.

Они не хотят умирать. Они уже мертвы. Но зато мы сражаемся, чтобы защитить друг друга, и тех друзей, которые у нас остались. Мы сражаемся, потому что у многих из нас есть семьи. Мы сражаемся, чтобы спасти мир. Мы сражаемся, потому что нам это нравится. Мы сражаемся, чтобы развлечь жутких монстров, смотрящих на нас из-за пределов Времени и Пространства. Скоро начнутся великие битвы, так что позвольте мне сказать это сейчас, – поскольку потом у меня может не быть такой возможности – да здравствует Император!

И я, всем своим сердцем...

Всеволод Игнатьич ещё что-то очень долго говорил. Он повествовал искренне, проникновенно, вдохновляюще, но Ярослав этого почему-то не запомнил. В самом конце он пожелал им удачи. Понятно было, что сам старый воевода, в силу возраста своего и обострившихся болезней, в смертоносном походе участвовать не будет. Вместо него армией будут командовать вот эти трое... Как их имена? Неплохо было бы узнать...

Проходили последние приготовления перед выходом. Одни ещё собирали разложенные вчера вещи, другие принялись затачивать клинки, третьи решили перекусить. Они должны были вот-вот двинуться в путь, но пока ничего не происходило. Кто-то вообще слонялся без дела, или в тревоге и нарастающей нервозности ходил взад-вперёд, пытаясь успокоить пошаливающие нервы. Ярослав, недолго думая, уселся рядом с удобной корягой, и принялся наблюдать за окружающим его действием. А что ему-то переживать? Он-то уже собран, и готов стартовать хоть в этот самый момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.